

А.А. Локшин

МУЗЫКАНТ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Второе издание, дополненное

УДК 78
ББК 85.31
ЛЗ1

Локшин А.А.

Л73 **Музыкант в Зазеркалье.** – М.: МАКС Пресс, 2012. – 2-е изд., доп. – 120 с.
ISBN 978-5-317-04289-9

Книжка, основанная на анализе недавно обнаруженных документов, продолжает расследование истории композитора А.Л. Локшина, оклеветанного НКВД-КГБ, и примыкает по своему содержанию к предыдущей книге автора «Гений зла». Во второе издание включен ряд новых материалов, в частности Добавления III, IV и V.

УДК 78
ББК 85.31

ISBN 978-5-317-04289-9

© Локшин А.А., 2011
© Локшин А.А., 2012, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«...многое, что считают (и у нас в стране, и на Западе)
общественным мнением, формируется в КГБ»*

Елена Боннэр

Моя книжка «Гений зла» побудила в свое время режиссера Иосифа Пастернака снять документальный фильм с тем же названием (из которого, увы, исчезли кавычки) о композиторе Александре Лазаревиче Локшине (1920–1987), которого обвиняют в доносительстве.

Но виноват ли композитор в тех преступлениях, в которых его обвиняют? Задавая этот вопрос, Иосиф Пастернак не приходит ни к какому ответу; его цель – не исследование конкретных судеб, а постижение новых, не встречавшихся ранее психологических состояний, расширение языка искусства документального кино. (Фильм И. Пастернака получил приз «Сталкер» за лучший неигро-

вой фильм на IX Международном фестивале правозащитного кино.)

Композитор Локшин – мой отец, и книжка «Гений зла» (М., 2005), в отличие от фильма Иосифа Пастернака, представляла собой именно расследование обвинений, предъявленных моему отцу. Я считал свое расследование важным, потому что, защищая отца, я защищал его музыку и вносил ясность – по крайней мере, в данном случае – в вопрос о том, совместимы ли искусство и преступление.

Эта книжка – продолжение «Гения зла», в основном составленное из материалов, опубликованных на портале Евгения Берковича в 2007–2012 гг. Собранные здесь статьи завершают, на мой взгляд¹, посмертную реабилитацию моего отца, которого трое бывших узников ГУЛАГа обвиняли в том, что именно он был причиной их ареста. Обвинители моего отца – это:

Вера Ивановна Прохорова, преподавательница английского языка;

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, математик;

Вера Степановна Максимова (Лимчер), пианистка и переводчица.

То, что обвинения исходили именно от бывших узников, придавало им в глазах общества неоспоримую убедительность. В результате мой отец к концу жизни фактически был подвергнут остракизму, а музыка его – почти забыта.

Собранные мной материалы показывают, что на самом деле имела место выдающаяся по своим масштабам операция по дискредитации моего отца. Цель операции – прикрытие действующего агента НКВД, которого требовалось внедрить в окружение Пастернака – Нейгауза – Фалька...

Современному читателю трудно себе представить, с какой степенью изощренности работала тоталитарная машина в Советском Союзе. Из истории моего отца с очевидностью следует, что во времена сталинщины существовали специальные хитроумные методы, позволявшие «органам» отводить подозрения от своих

¹ Достаточно сказать, что за моего отца вступилась Е.Г. Боннэр; отрывок из ее письма приведен ниже, в гл. IV.

агентов, в результате чего советское общество сделалось совершенно «непрозрачным». Как недавно стало известно (см. гл. IV), к концу сороковых годов XX века в Советском Союзе насчитывалось почти 11 миллионов только официально зарегистрированных стукачей, которые за редчайшими исключениями бесследно растворились в обществе.

Впрочем, непрозрачным советское общество сделалось еще в двадцатые годы. Приведу в этой связи поразивший меня отрывок из письма С. Турчинович (сестры Бориса Савинкова) известному журналисту В.Л. Бурцеву от 4 ноября 1927г.:

«...разве давно не было известно, что ГПУ довело провокацию до возможного предела? Конечно, люди знали это но как-то поверхностно к этому относились, до глубины их сознания не доходило это. <...> Я помню, что когда приехала [на Запад] и говорила о том, что сейчас (конец 1923 г.) в России никто никому не верит, ни брату, ни отцу, ни многолетнему другу, что это одно из самых тяжелых переживаний – невозможность быть откровенным ни с кем, так как всегда есть в самой глубине души сомнение в каждом, то мне не верили и отвечали, что я слишком подозрительна по натуре и что другие лица в России ничего подобного не испытывали. А мы, в сущности, просто друг друга не понимали. Ибо понять такие переживания можно, только испытав их. Эмигранты не испытывали их, им казалось это невероятным¹».

Книжка состоит из пяти глав и пяти Добавлений и может читаться независимо от «Гения зла»; документальная повесть «Быть может выживу», которая составляла часть «Гения зла», включена в первую главу в расширенном и дополненном виде.

Для удобства читателя расставляю основные смысловые ориентиры:

1) *причина проведения операции по дискредитации отца подробно описана в гл. I («Быть может выживу»);*

2) *ответ на обвинения, выдвинутые Верой Прохоровой, дан в статье «Мышеловка» (гл. I); см. также Добавление III;*

¹ Цит по: Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М.: Новое литературное обозрение, 2003, с. 296–297.

3) *ответ Есенину-Вольпину содержится в открытом письме Александре Ю. Айхенвальд (гл. IV); см. также «Быть может выживу» и воспоминания о Вольпине в гл. II;*

4) *ответ на обвинения со стороны Веры Максимовой-Лимчер приведен в гл. V («Горечь люстрации»).*

Остальные собранные в книжке материалы также имеют отношение – иногда прямое, а иногда косвенное – к вышеперечисленным темам и воссоздают необходимый для лучшего восприятия текста исторический фон.

Москва, 2012

А.А. Локишин, сын композитора

P.S. Если читателю нужно краткое резюме, обосновывающее невиновность моего отца одной фразой, то вот оно:

Я считаю свое расследование законченным, так как основной обвинитель – В.И. Прохорова – полностью отказалась от своих первоначальных обвинений в адрес моего отца, заменив их новыми, противоречащими прежним (см. Добавление III).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Причины и следствия	8
1. «Быть может выживу».....	8
Приложение 1.1. Одиннадцать писем моего отца И.Л. Кушнеровой (Рабинович)	17
Приложение 1.2. Письмо моего отца Н.Я. Мясковскому	22
Приложение 1.3. Отрывок из статьи Апостолова.....	25
Приложение 1.4. Музыка, оскорбительная для Сталина	27
2. Мышеловка.....	28
3. «Знают об этом немногие» (М.В. Юдина и Д.Д. Шостакович о Локшине).....	34
Глава II. Логика в неправильном мире	37
1. О доверчивости	37
2. Опровержение одной интересной гипотезы.....	43
3. Переселение Рихтера (добавление к статье «Мышеловка»).....	47
4. А.С. Есенин-Вольпин в начале 50-х (глазами Ольги Адамовой-Слиозберг и Наума Коржавина).....	49
5. Логика против Вольпина (добавление к статье «Быть может выживу»)	52
Глава III. История одной публикации.....	54
Глава IV. Открытые письма	72
1. Первое письмо Юрию Самодурову.....	72
2. Второе письмо Юрию Самодурову.....	72
3. Открытое письмо Александре Ю. Айхенвальд.....	74
4. Третье письмо Юрию Самодурову	75
5. Письмо Михаила Лидского и мой комментарий	76

6. В музыке все слышно (добавление к переписке с М. Лидским)	80
7. Письмо к Елене Боннэр и ее ответ	81
Глава V. Нагибин, Рихтер и другие против моего отца	83
1. Мыслимо ли это?	83
2. Необычайное предвидение	84
3. Горечь люстрации.....	87
4. О лагерях для военнопленных (добавление к статье «Горечь люстрации»)	91
5. Воспоминание (разговор с О.Ю. Ведерниковой).....	92
6. Никогда не поздно отблагодарить учителя	93
7. Трудности музыковедения	94
8. Письмо В.В. Ванслова с извинениями.....	96
Добавление I. Скрытая пружина	98
Добавление II. Фабрика репутаций.....	106
Добавление III. Вера Ивановна заблуждается.....	111
Добавление IV. О книге Андрея Гаврилова	113
Добавление V. «Инверсионный след» от сексота	115

Глава I.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

1. «БЫТЬ МОЖЕТ ВЪЖИВУ»

События 1948–49-го годов сыграли слишком большую роль в судьбе моего отца, композитора А.Л. Локшина, чтобы я мог умолчать о том, что узнал от него самого, от других людей и из некоторых сохранившихся документов.

В мае 48-го года у отца случился сильнейший приступ язвенной болезни; его сразу же положили в Институт Склифосовского. В то время резекция желудка считалась рискованным делом, и вероятность неблагоприятного исхода была велика. Однако обезболивающие уже не помогали, поэтому отец решился на операцию.

28 мая его оперировал известный хирург С.С. Юдин. Отец был крайне истощен, а после операции настолько ослаб, что в течение нескольких суток буквально не мог пошевелиться. Это и спасло его – послеоперационные швы успели срастись. Физически намного более крепкий военный, которого оперировал тот же хирург и тоже по поводу язвы желудка, умер на соседней койке (на глазах у моего отца), так как не смог нужное время лежать неподвижно и послеоперационные швы разошлись.

15 июня 48-го года отца выписали из больницы, а 26 августа – уволили из Консерватории в ходе кампании по борьбе с формализмом; ему снова припомнили его несостоявшуюся дипломную работу «Цветы зла» на стихи Бодлера, из-за которой его уже отчисляли с пятого курса Консерватории в мае 41-го года¹. Наверняка сыграл свою роль и «пятый пункт», борьба с космополитизмом уже начиналась.

Теперь перейду к событиям иного рода.

21 июля 1949-го года в Черновцах «органы» арестовали А.С. Есенина-Вольпина, который был к моменту своего ареста

¹ См. интервью с И.А. Барсовой в сборнике «Оркестр»; М., 2002, с. 17.

знаком с моим отцом примерно в течение двух месяцев. (См. Есенин-Вольпин А.С. Избранное. М., 1999, с. 9.)

Этот арест был непосредственным следствием того, что отец вычислил сексот в своем ближайшем окружении, и в беседе с ним с глазу на глаз неосторожно вывел его на чистую воду, заставил признаться. Вольпин был арестован не ПОТОМУ, ЧТО на него кто-то донес, а ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ скомпрометировать моего отца, выставив его в качестве доносчика.

Сексот потребовал от отца молчания, угрожая, в случае невыполнения своего требования, пересажать всю отцовскую семью. Свои угрозы сексот сопровождал словами: «Я не человек, я труп». Все это я узнал от своего отца, когда мне было 15 лет. Имени сексота отец никогда не называл мне, вероятно, опасаясь за меня. (Замечу, что «труп» упоминается в отцовском письме И.Л. Кушнеровой от 19 сентября 1949 года; см. Приложение 1.1)

В следующей главе я объясняю, почему у меня есть основания полагать, что это столкновение произошло в мае-июне 1949 года.

Судя по всему, столкновение отца с сексотом имело и иные последствия. Об этом свидетельствует другое письмо моего отца, которое он написал И.Л. Кушнеровой спустя два месяца – 19 ноября 1949-го года. Я процитирую здесь это письмо почти целиком, сохраняя орфографию и пунктуацию:

«Внешне дела у меня без видимых изменений. Внутренне же повидимому должно уже что то сдвинуться с места, хотя я сам это ещё не ощутил. Вероятно в понедельник я впервые услышу хорошую репетицию. Оркестровые назначены на 27 ноября. Первое (и вероятно последнее) исполнение назначено на 30 ноября. Дирижер Гаук, солисты Янко и Лисициан. Впрочем солисты под сомнением, я их еще не видел. *Состояние у меня по-прежнему скверное, даже еще хуже.*

Есть у меня предчувствие, что я на грани и если в ближайшие дни ее благополучно миную, то буду с тобой, если же нет, то прощай навеки. У меня так называемый распад нервных тканей (клеток). Молись за меня. Быть может выживу». (Оригинал письма хранится в Баден-Бадене (Германия), в личном архиве И.Л. Кушнеровой.)

Уверен, что выделенные мною строки письма написаны эзоповым языком и повествуют не о послеоперационном осложнении, а об ожидании ареста в ближайшие дни. (В сталинские времена было бы безумием писать об этом прямо.) Моя уверенность основана на том, что ни в предыдущем письме к И.Л. Кушнеровой (от 14 ноября 49 г.), ни в последующем (от 24 ноября 49 г.) отец не пишет о своем здоровье ни слова. Впоследствии И.Л. Кушнерова согласилась с моей интерпретацией процитированного письма. Она вспомнила, что когда получила его, сразу подумала, что мой отец боится ареста.

С.С. Виленский так комментировал мне это письмо: *«Вашему отцу, видимо, предлагали сотрудничать, причем он интересовал «органы» как человек, вокруг которого собиралось интеллектуальное общество. Однако он, человек независимый и гордый, отказался, да так, что они почувствовали себя уязвленными, оскорбленными. То, что впоследствии по делу Веры Ивановны Прохоровой вызывали на очную ставку с ней его мать и тяжело больную сестру – месть «органов».* Добавлю: не только месть, но и **типовой психологический прием, позволяющий перенаправить подозрения арестованного** (см статью Игоря Маслова в «Новой газете» от 26.11.2001).

Теперь – о сочинении, упомянутом в отцовском письме. Это сочинение – «Приветственная кантата» на стихи, написанные поэтом Островым и посвященные Сталину.

Предыстория появления на свет этого сочинения вкратце такова. Еще до столкновения с сексотом, случившегося, как я полагаю, мае-июне 49-го года, положение отца было весьма шатким. Изгнанный из Консерватории, он воспринял известие об аресте Вольпина¹ как грозное предупреждение. Зная об источнике опасности в своем ближайшем окружении, в первых числах сентября отец начинает писать свою «Приветственную кантату», с тем чтобы представить ее на приближавшийся композиторский пленум (посвященный 70-летию Сталина). В конце сентября отец, работая, как всегда, профессионально, заканчивает писать партитуру канта-

¹ Это известие было получено отцом в августе 49 г. (устное сообщение М.А. Мееровича).

ты; примерно тогда же он узнает, что музыкальный идеолог Апостолов опубликовал в восьмом¹ номере «Советской музыки» злобное-анекдотическую статью, в которой центральное место занимает разнос другого отцовского сочинения (см. Приложение 1.3).

Перипетии, предшествовавшие исполнению «Приветственной кантаты», довольно подробно описаны в отцовских письмах этого периода (см. Приложение 1.1). 30 ноября 1949-го года «Приветственная кантата» была исполнена на Третьем пленуме² Правления Союза советских композиторов, на котором в общей сложности исполнялись сочинения более чем 150 авторов, в том числе и «Песнь о лесах» Шостаковича.

А седьмого декабря 49-го года Хренников, выступивший на пленуме с весьма оптимистическим отчетным докладом, оценил произведение Локшина следующим образом:

«Однако, у нас нет никаких оснований успокаиваться на достигнутом. Даже в ряде лучших сочинений, исполненных на пленуме, есть немало недостатков и противоречий, не дающих возможности еще признать их полноценным выражением нашей действительности. В других произведениях, о которых я еще не говорил, эти недостатки и противоречия выражены еще нагляднее. В ряде случаев, как я уже отметил выше, мы можем говорить и о ПРЯМЫХ НЕУДАЧАХ, ТВОРЧЕСКИХ СРЫВАХ, ИМЕЮЩИХ ДЛЯ НАС ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. УМЕСТЕН ВОПРОС - КАКИМ ОБРАЗОМ ПОПАЛИ ТАКИЕ СОЧИНЕНИЯ В ПРОГРАММУ КОНЦЕРТОВ ПЛЕНУМА?»³ Здесь я должен принять вину на Секретариат и на себя лично за то, что в предварительном ознакомлении со множеством сочинений для отбора на пленум мы допустили ряд ошибок, не сумев в исполнении за фортепиано сделать правильную оценку качества некоторых произве-

¹ Этот номер был подписан в печать 3 сентября 49 г.

² Чтобы дать читателю представление об атмосфере, царившей на пленуме и вокруг него, процитирую М. Чулаки: «Наибольшие успехи достигнуты композиторами в истекшем году в создании ораторий и кантат.<...> Подавляющее большинство ораторий и кантат обращено к товарищу Сталину, с именем которого советский народ связывает всю свою жизнь, борьбу, свой созидательный труд» («Культура и жизнь», 31 декабря 1949 г.).

³ Здесь и далее текст выделен мной.

дений. Так, для исполнения на пленуме была отобрана «Приветственная кантата» композитора Локшина, ПРОИЗВЕДЕНИЕ ХОЛОДНОЕ И ЛОЖНОЕ¹ ПО СВОИМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ОБРАЗАМ, КРАЙНЕ СУМБУРНОЕ, ШУМНОЕ И БЕСПОМОЩНОЕ. Автор не отнесся с должной ответственностью к теме своего сочинения, не произвел предварительной глубокой работы над отбором музыкальных средств, над определением стиля сочинения, над организацией материала»².

Других политических обвинений в обширном, обстоятельном докладе Хренникова не содержалось. Над моим отцом нависла угроза исключения из Союза композиторов; этим неприятности могли не ограничиться...

Отца фактически спас благородный и чрезвычайно умный человек – Михаил Фабианович Гнесин, уже слышавший о Локшине, как о талантливом композиторе, от М.В. Юдиной. Вот отрывок из речи Гнесина, произнесенной им во время прений по хренниковскому докладу. Начал Гнесин издалека:

«<...>Теперь я хочу сказать несколько слов о докладе Тихона Николаевича. Я сомневаюсь, что<бы> кто-нибудь из нас хотел попасть в положение Тихона Николаевича Хренникова. Читать подобный доклад, содержащий калькуляцию ценностей, предлагавшихся на Пленуме, это – страшно трудно. Кроме того, тут, действительно, полного согласия никогда не может быть. На каком-нибудь сочинении могут тогда разойтись суждения, и не стоит тогда придирается по тем характеристикам, которые показались недостаточно <сходящимися> с твоим мнением.

Но, все-таки, я хотел бы коснуться некоторых моментов в этом докладе. Я считаю очень рискованным такое покаянное упоминание об ошибках Секретариата. До меня тов. Анисимов, в сущности, коснулся уже этого вопроса. Такого рода упоминания об ошибках сейчас же наводят на мысль. Если по ошибке пропустили такие-то не очень удачные вещи, то, может быть, большое

¹ Это – политическое обвинение.

² См. стенограмму Третьего пленума Союза композиторов (РГАЛИ, ф. 2077, оп. I, ед.хр. 325, л. 19–20). В сокращенном виде, но с сохранением основного обвинения, этот фрагмент выступления Хренникова опубликован в его же статье «За новый подъем советской музыки» (Сов. музыка, 1949, №12, с. 50).

количество вещей не допустили на Пленум, которые несколько не хуже, а может быть, и лучше показанных. И я считаю, что, может быть, было бы справедливо, чтоб если были на просмотре в Секретариате такие хорошие вещи, которые по тем или иным причинам не оказалось возможным показать на Пленуме, то о них следовало упомянуть в докладе. Ведь это гордость, что были еще хорошие произведения, в которых были такие-то достоинства. Но то же самое, говоря о вещах, которые не оправдали себя в концертном показе, непременно следовало упомянуть о достоинствах, из-за которых эти вещи были приняты и пропущены. НЕЛЬЗЯ ЖЕ ИЗОБРАЖАТЬ СЕБЯ НЕПОМНЯЩИМИ ЛЮДЬМИ. ВЫ СЛУШАЛИ ВЕЩИ, ВЫ ИХ ОЧЕНЬ ХВАЛИЛИ. ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО. ТАК ВЫ ИХ ЗА ЧТО-НИБУДЬ ДА ХВАЛИЛИ!

Значит, в них есть высокое качество. Не может быть, чтобы в них не было их качеств. И это, несомненно, так и есть. Я в данном случае говорю о кантате Локшина. Можно иметь какое угодно суждение о ней. НО ЕЕ ОЧЕНЬ ХВАЛИЛИ, КОГДА ОНА БЫЛА ПОКАЗАНА В СЕКРЕТАРИАТЕ. Предположим, что после этого она бы с треском провалилась, освистана была всем собранием. И то, в сущности, вы должны были бы искать причины этому – а может быть, ее еще раз исполнить, тем более, что исполнена она была совершенно неудовлетворительно и показана в неблагоприятных условиях. Но она вовсе не была освистана. Она очень многим понравилась. Я не хочу сказать, что это и было, может быть, лучшее произведение, которое вы недооценили. Совсем нет. Но в нем есть отличные качества – хорошие темы. Тематически материал является очень хорошим по качеству. Полифоническое мастерство тоже есть. Может быть, там есть просчеты в оркестровке. Но ведь вы слушали с партитурой. Люди слушали, видели, что там есть недоработки, могли посоветовать что-нибудь.

Должен сказать, что я Локшина видел всего два раза в жизни и слышал, что он человек высоко талантливый и отнюдь не слабый в оркестровке. Какие-то были недостатки, но были и большие достоинства. Мне кажется, что справедливо было <бы> отметить и

недостатки, и достоинства, а не так жестко¹ характеризовать вещь, точно, ей Богу, композитор ввел в невыгодную сделку Секретариат. Секретариат оказался виновным в том, что он пропустил такую-то вещь! Вы вещь слушали, одобрили, в ней были достоинства и недостатки, следовало отметить и то, и другое. Иначе это несправедливо.

Я представляю себе – сам я написал какую-то вещь, мне после этого опыта неудобно ее показывать в Секретариате. Если меня побранят – пожалуйста, если похвалят – приятно, но ЕСЛИ ПОХВАЛЯТ, А ПОТОМ ПУБЛИЧНО ЗАЯВЯТ, ЧТО ЭТА ВЕЩЬ НЕ ТОЛЬКО ПЛОХАЯ, НО ЧТО ЭТО СТРАШНАЯ ОШИБКА, ЧТО ЕЕ ПРОПУСТИЛИ – ЭТО, ПРОСТИТЕ, НЕ ТОВАРИЩЕСКИЙ ПОДХОД. МНЕ НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ЗАЯВИЛИ, ЧТО ПОСЛЕ ЭТОГО ОНИ НЕ ЗАХОТЯТ ПОКАЗЫВАТЬ СВОИ ВЕЩИ.

Вот, в сущности, то, что я хотел сказать. Уже достаточно было сказано, что мы не можем освоить всех проблем, и я не берусь этого делать». (Аплодисменты).

В отчете о пленуме (Сов. музыка, 1950, №1, с. 49–50) дается только краткий пересказ выступления Гнесина, причем делается редакционная приписка: «Однако попытка <предпринятая Гнесиным> защитить от критики это неудачное произведение <«Приветственную кантату» Локшина> оказалась в целом малоубедительной».

На мой же взгляд, именно бесстрашное выступление Гнесина, не побоявшегося столкнуть Хренникова с самим собой, уберегло моего отца от самых скверных последствий, которые могло иметь хренниковское политическое обвинение.

Далее, сопоставляя выступления Хренникова и Гнесина, нельзя не прийти к выводу, что Хренников взялся за уничтожение Локшина не по своей воле. (Видимо, из каких-то сфер (из «органов» или из ЦК) поступил приказ и Хренников вынужден

¹ Я цитирую текст стенограммы, в который были внесены правки рукой М.Ф. Гнесина (РГАЛИ, ф. 2077, оп. I, ед. хр. 329(1), л. 59–62). До внесения правки вместо «жестко» было «жестоко» (РГАЛИ, ф. 2077, оп. I, ед. хр. 327, л. 59–62).

был его выполнять. Но что явилось причиной такого приказа? Думаю, что в данном случае – не государственный антисемитизм и уж тем более не борьба честолюбий. (Напомню, Сталинскую премию за «Песнь о лесах», исполнявшуюся на этом же пленуме, получил Шостакович.) Уверен, что столкновение моего отца с «органами», произошедшее незадолго до пленума, сыграло решающую роль. Уж слишком силен был удар по «Приветственной кантате» на относительно миролюбивом пленуме и в слишком уж глупое положение неожиданно был поставлен весь Секретариат.

Теперь – о последствиях. Конечно, заступничество Гнесина принесло свои плоды. Хотя в Резолюции пленума «Приветственная кантата» осуждается еще два раза (!), но уже заодно с сочинением другого автора (Левитина), тон осуждения мягче и, что самое главное, нет политических обвинений (Сов. Музыка, 1950, №1, с. 55). Затем Мариан Коваль продолжает добывать сочинение моего отца, имитируя профессиональный анализ (Сов. Музыка, №1, с. 8): «Петь кантату А. Локшина мучительно трудно. Хор в напряженном регистре, маловыразительный по мелодии, выпевает нехудожественный текст. Композитор сосредоточил свои помыслы на внешней помпезности, без глубокого ощущения полнокровных народных чувств, обращенных к Сталину». Политические претензии плавно трансформируются в профессиональные. Система отползает, обдумывая, что ей делать с Локшиным дальше...

Теперь, по заведенному обычаю, Локшину следовало каяться. Однако мой отец не каялся¹. И после того как Т. Ливанова сочла необходимым обругать его еще раз за все ту же «Приветственную кантату»², упоминания о Локшине в «Советской музыке» надолго исчезают. Сочинения его отклоняются, и даже временную работу в Москве не удастся найти, приходится ехать в Ленинград³.

¹ Я утверждаю это потому, что отчеты о покаяниях регулярно публиковались в «Советской музыке». Что значило *не каяться* в сталинские времена, я думаю, объяснять не надо.

² Сов. музыка, 1950, №3, с. 15.

³ См. сборник «А.Л.Локшин – композитор и педагог», М., 2006, с. 84–85, где цитируется письмо М.В. Юдиной от 29 августа 1950 г. Интересное свидетельство о том, какое участие принимал мой отец в музыкальной жизни того времени, со-

Там моему отцу по рекомендации Р.С. Бунина удалось получить временную редакторскую работу. (Спустя примерно два года двоюродная сестра моего отца Х.А. Локшина и ее муж Э.П. Гарин познакомили его с известными режиссерами того времени – Завадским, Кулиджановым, Сегелем, Згуриди, Карменом. Сочиняя музыку к их фильмам и спектаклям, мой отец мог содержать семью.)

* * *

Наконец, я хочу сказать одну простую вещь. То, что против моего отца была выставлена когорта: Апостолов, Хренников, Коваль, Ливанова – само по себе решает «проблему». Ведь их статьи были напечатаны не *до*, а вскоре *после* ареста Вольпина. И на пленуме Хренников предъявил политическое обвинение *только* Локшину и больше никому – *фактически именно мой отец был избран в качестве основного антигероя в пропагандистской музыкальной кампании 49-го года*. Дальше можно было бы ни о чем не говорить... Однако на компрометацию моего отца были брошены значительные силы. На то, чтобы правда об отце просочилась наружу, потребовалось почти 60 лет.

Москва, 2001–2012

держится в эссе Л.С. Рудневой «О доверии Дмитрия Шостаковича и Капричос, разыгранных его «ответственными» коллегами в достопамятном 1951 году...» (Академические тетради, 1997, вып. 3, с. 154–156).

Одиннадцать писем моего отца

И.Л. Кушнеровой (Рабинович)

В этом приложении я привожу наиболее характерные отрывки из одиннадцати писем моего отца, адресованных его ученице И.Л. Кушнеровой (в чьем архиве хранятся оригиналы этих писем).

Письмо первое (19 сентября 49 г.)

«Время уходит, сгинул еще год¹ и, недолго, будет достигнута середина жизненного пути. По Данте – это тридцать пять лет. Впрочем, если суждено ее достигнуть.

Сегодня соберутся гости, все – твои знакомые, ситуация почти такая же как и всегда, и, тем не менее, будет несколько грустнее, чем обычно.

Все дни начиная с твоего отъезда <т.е. с первых чисел сентября 49 г.> я прилежно тружусь, написал уже 97 страниц партитуры <«Приветственной кантаты»>, так что осталось лишь каких-нибудь 70–80 страниц.

Настроение у меня мерзкое, хуже чем раньше намного.<...>

В Москву приехал Володя Неклюдов, который в Новосибирске был организован *трупом* [здесь и далее курсив мой – А.Л.] с феерическим блеском. *Труп вернулся и собирается восстановить нормальные отношения со мной.* Князь приобрел себе белый плащ и теперь ни дать ни взять – Петроний Арбитр. Одев плащ, он, вероятно, с успехом заменяет меня.

Филипп Эммануил² изгнан из сердца *трупа* и от огорчения заболел, очевидно, брюшным тифом. Валяется на диване как бездомная собака, грязный, без белья, покрытый старым пальтишком. Муся целыми днями состоит при нем, кормит, поит и наоборот.

¹ 19 сентября – день рождения моего отца.

² «Филипп Эммануил Бах» – прозвище, данное моим отцом Ф.М. Гершковичу, историку и теоретику западной музыки, учившемуся в Вене у Альбана Берга. Что касается *трупа*, то он, судя по всему, был женского пола.

Женщины безумно любят, когда болеют их привязанности. Есть возможность проявить себя».

een Dopper was Coloma, (Zepher)
 bij haar kopertini (Hagman)
 en Coloma. Het yolkman
 Hagman heeft ook een
 kopert, met 4 kopert.
 Hagman's Dopper met
 kopert en met 4 kopert.
 Het is een Dopper met 4 kopert.
 Hagman. Hagman Hagman.

Факсимиле отцовского письма И.Л. Кушнеровой
от 19.09.1949 г.

Письмо второе (28 сентября 49 г.)

«Только лишь вчера окончил писать партитуру <«Приветственной кантаты»> – 138 страниц – и начал репетиции с певцами. Устал от писания и чрезмерной кондовости.

1 октября буду проигрывать на Секретариате.

Случилась неприятность. В журнале «С<оветская> М<узыка>» № 8 появилась статья Апостолова, в которой центральное место уделено моей <Алтайской> сюите. Нет сомнений, что сюита теперь сыграна не будет, а договор будет расторгнут. Итак, судьба моя на этот год зависит от кантаты».

Письмо третье (13 октября 49 г.)

«Наконец состоялись мои прослушивания, и я кое-как начинаю дышать. Первое было на Секретариате – прошло благополучно. Второе – в комитете¹ – прошло плохо. Было сказано что-то насчет бояр, князей и палки, а адресат по их мнению – не при чем. Третье, решительное, было в Радиокомитете. Присутствовали из всех трех учреждений. Обсуждение длилось около двух часов и отличалось большим количеством метаморфоз во взглядах на предмет обсуждения в зависимости от положения предыдущего оратора на иерархической лестнице. Мощная защита была со стороны Чулаки и Баласаняна. Было решено, что кантата есть нечто единственное в своем роде, и предложено немедленно переменить текст. Некто Гринберг занимается сейчас подыскиванием невольника чести, способного создать достойные кантаты стихи. В течение полутора месяцев я сидел за столом и писал партитуры, сначала кантату, а потом инструментовал для кино и сейчас совершенно обессилел».

Письмо четвертое (24 октября 49 г.)

«Мои дела таковы: кантата после многочисленных обсуждений наконец принята. Написан новый текст поэтом Островым. Этот текст значительно хуже прежнего, но комиссия нашла его отличным».

¹ В Комитете по делам искусств.

Письмо пятое (28 октября 49 г.)

«В последний месяц я совсем отбился от собственных рук – прослушивания, эпопея с поэтом (кстати, стихи его оказались не намного хуже прежних) и вся прочая суета в корне перековали мой душевный уклад. Не без ужаса заметил я, что становлюсь суетным, и в случае успеха кантаты (весьма сомнительного) преуспею и в суетности. *Очевидно, ничто мне сейчас так не требуется, как только полный неуспех, и лишь этой ценой я смог бы сохранить в себе то, что составляет и оправдывает смысл моего пребывания*» [курсив мой – А.Л.].

Письмо шестое (10 ноября 49 г.)

«Завтра, вероятно, я смогу получить оркестровые партии. Когда я, наконец, овладею своей партитурой, я смогу встретиться с Гауком и поиграть ему. Тогда и выяснится, будет ли он дирижировать. Дело осложняется весьма некрасивым поведением Горчакова, который заявляет всеуслышание, что я обещал ему кантату, чего я никогда не делал, но на что Горчаков меня неоднократно грубо провоцировал».

Письмо седьмое (14 ноября 49 г.)

«Завтра в одиннадцать часов состоится встреча с Гауком и решится, надеюсь, вопрос с дирижером. Партии я получил и уже половину откорректировал. Пальто мне сшили. Шубу Мусе не купили. Погода плохая. Водку не пью. С девицами не общаюсь. Настроение скверное».

Письмо восьмое (19 ноября 49 г.)

(Отрывок из этого письма я уже приводил в основном тексте. – А.Л.)

Письмо девятое (24 ноября 49 г.)

«Вчера и сегодня были сводные репетиции хора, на которых я присутствовал. Звучит хор изрядно. Первая оркестровая репетиция должна состояться 28 <ноября>. Солистов, певцов своей печали, я

еще в глаза не видел. Вся эта координация мне дается с трудом, вернее, совсем не дается. Слишком много координируемых элементов вокруг оси координат».

Письмо десятое (2 декабря 49 г.)

«Итак, кантата сыграна. Причем сыграна предельно скверно. Сплошное фортиссимо, неверные темпы и фальшь. Сыграна последним номером по требованию Гаука, хотя в программе шла первым номером. Так что получилось: после танцев – торжественная часть. Тем не менее, мне пришлось галантно раскланяться с публикой и оркестром и даже пожать руки своим могильщикам во главе с Гауком».

Письмо одиннадцатое (13 декабря 49 г.)

«Итак, испытания кончились. Все случилось примерно так, как я себе и представлял. В событиях подобного рода самую большую роль играют пересечения разных человеческих путей. Пленум стал ареной битв и игрищем страстей. Произошло массовое столкновение честолюбий. Сочинение мое было выдвинуто на премию, но, немедленно, по требованию Захарова и Коваля, *вершителей судеб* [курсив мой – А.Л.] задвинуто обратно. В Секретариате произошел раскол. Чулаки был вынужден уехать из Москвы на все время обсуждений. С моим сочинением можно было поступить лишь двояко: либо превознести, либо уничтожить, ибо это диктуется темой сочинения – другого быть не могло. Естественно, что превознести, что сопряжено с массой почестей, да к тому же именно меня, Секретариат не захотел; не захотел потому, что не хотел ускорять свою гибель. Потому, сочинение мое в докладе Хренникова и в резолюции (а также в газетах) было названо ложным, неискренним, холодным, сумбурным и т.д. Впрочем, в прениях было сказано и противоположное, например Гнесиным, но это особой роли не сыграло. Итак, путь закрыт. Надолго ли – не знаю».

Письмо моего отца Н.Я. Мясковскому

Работая в Российском государственном архиве литературы и искусства над документами Третьего композиторского пленума, я случайно натолкнулся на неизвестное письмо моего отца своему учителю, относящееся к более раннему периоду. На мой взгляд, это письмо представляет определенный интерес в связи с описываемыми мною событиями, и я решил привести его здесь.

А.Л. Локишин – Н.Я. Мясковскому

4 августа 43 г.

Дорогой Николай Яковлевич!

Зимой написал я симфоническую поэму «Жди меня» для голоса и оркестра. При моем пристрастии ко всему исключительному, сочинение музыки к такому заурядному стихотворению было задачей исключительно трудной, особенно, если принять во внимание то, что вся музыкальная атмосфера, толстым слоем окутавшая это стихотворение, была наполнена смрадными испарениями многочисленных дельцов от музыки, накинувшихся на эти стихи с целью совершить выгодную спекуляцию на лучших чувствах. Словом, и автор, и слушатели были хорошо подготовлены.

Быть может, только при высокой температуре чувства выявляют свою сущность. Крайности приводят к откровениям. Психологи утверждают, что душа человеческая в моменты крайнего нервного напряжения обладает способностью проникновения, граничащего с ясновидением. Если не ошибаюсь, то то же и в физике: предметы под сильным давлением начинают светиться, при сильном нагревании меняют свою молекулярную структуру. Так же и в области человеческих отношений: только в периоды больших общественных или личных потрясений обнажается сущность челове-

ка, до тех пор скрытая за толстым слоем благополучия. Одним словом, если вы хотите испытать истину, то заставьте ее покувыркаться на краю пропасти. Может быть, такое отношение к материалу и спасло меня на этот раз. 22 апреля состоялось первое исполнение в Лен<инградской> филармонии. Соллертинский произнес страстный вступительный монолог. Исполняли: Мравинский, Вержбицкая, большой состав оркестра с арфой и челестой. Впервые сочинял я музыку, ни с кем не советуясь, никому не показывая, не имея даже никакой моральной поддержки. Я поступал как дикарь, как наивный первобытный мистик: вопрошая портрет моего учителя (помните, когда-то Вы подарили мне его), когда меня одолевали сомнения, и портрет очень чутко реагировал, иногда хмурился, иногда улыбался. Важно было не чувствовать себя одиноким. Возможно, это просто особенность лица, снятого en face: где бы вы ни находились, вам кажется, что глаза портрета устремлены на вас.

С трепетом душевным пришел я на первую репетицию, вооружившись большим красным карандашом, предчувствуя неизбежные изменения в партитуре. Но карандаш оказался ненужным. Ни одна нота не была изменена.

Вам я обязан всем. Я позволяю себе не благодарить Вас только потому, что хочу эту благодарность носить всегда с собой.

Я очень хотел бы вернуться в Москву с тем чтобы заниматься у Вас в аспирантуре на фортепианном факультете, но до сих пор я вынужден был отвергнуть все варианты самостоятельного возвращения. Причина простая: я не хочу возвращаться с черного хода. Приехать без приглашения, без вызова из Консерватории или ССК и затем молить уважаемых руководящих товарищей о предоставлении мне минимальных условий для существования, – это выше моих скромных жизненных возможностей, тем более, если принять во внимание то, что в настоящее время грелка играет существеннейшую роль в моей духовной и физической жизни, то становится ясным, что я вынужден был бы просить целый ряд бытовых благ, что для человека, приехавшего без приглашения, равносильно напрашиванию на целый ряд оскорблений. Ведь меня в Москве знают лишь как студента со скандальной репутацией.

Есть два выхода. Ждать, когда Консерватория вспомнит обо мне и вызовет меня для сдачи государственных экзаменов. Но два года, дарованные мне для осознания своих ошибок, уже прошли, а Консерватория все еще молчит. Мало того, Директор Консерватории даже не удостоил меня ответом на мои два письма, в которых я извещал его о своей готовности предстать пред грозными очами своих инквизиторов. В этот выход я почти не верю. Другой выход – это поездка в Москву с Мравинским, он собирается поставить там «Жди меня». Быть может, тогда я смог бы получить диплом и поступить в аспирантуру.

Что будет дальше – не знаю. Жизнь раскрыла пасть и смердит отчаянно. Правда, если придерживаться мудрого изречения Протагора, утверждавшего, что «человек есть мера всех вещей», и признать, согласно этому тезису, за эталон, например, Мурадели или Хренникова, то можно придти к выводу, что жизнь прекрасна, что жить стоит и чем больше – тем лучше. Простите меня за многословие. После двухгодичного молчания я чувствую себя способным говорить целый световой год без антрактов.

Питаю надежду получить от Вас несколько строк. Сейчас два слова, написанных Вами, были бы для меня ценнее девяти симфоний Бетховена.

Ваш верный ученик
А. Локшин

Только что узнал о награждении Вас орденом. Поздравляю Вас от всей души.

Новосибирск, 3-д им. Чкалова, Соцгород, каменный дом 6, кв.16¹

¹ Оригинал в РГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 176, л. 1–2.

Отрывок из статьи Апостолова

Ниже я привожу отрывок из статьи Апостолова «О некоторых принципах музыкальной критики» (Сов. музыка, 1949, № 8, с.11-12). Его пространная статья направлена в первую очередь против моего отца (хотя этот факт и не сразу бросается в глаза). Мне хочется обратить внимание читателя на очень интересное употребление слова «ложный» (дважды встречающегося в приводимом мною отрывке). Похоже, что этот эпитет представляет собой знак, которым помечают *чужого*. Спустя три месяца после опубликования статьи Апостолова этим же термином – уничтожая Локшина – воспользуется Хренников на Третьем композиторском пленуме.

Необычайно интересно также употребление Павлом Апостоловым слов «грехи» и «индальгенция» применительно к моему отцу. Все это, безусловно, материал для лингвиста и психолога.

«<...> Небезинтересно привести и другой пример: обсуждение на собрании той же секции [симфонической и камерной музыки Союза композиторов] «Алтайской сюиты» для симфонического оркестра композитора А. Локшина. Казалось бы, программный замысел, навеянный народным эпосом о битвах и богатырских подвигах, должен был вдохновить композитора на создание яркого монументального произведения в мужественном характере «былинного» повествования.

Но композитор решил задачу совсем в ином, искусственно надуманном плане. Сюита состоит из шести оркестровых миниатюр общей длительностью не более 20 минут. Неоправданный миниатюризм, противоречащий эпическому сюжету, фрагментарность формы, модернистический язык, копирующий красочную звукопись импрессионистов – все это свидетельствовало о явном разрыве между народно-эпическим сюжетом и его музыкальным воплощением. Сама программность оказалась претворенной весь-

ма условно. Цельная фабула распалась на отдельные, по существу, бессюжетные картинки-кадры.

Изломанные интонационные ходы, нагромождение пряных диссонансов, вычурность и искусственность образов, всё это, казалось бы, с полной очевидностью говорило об ошибочном художественном замысле автора, о ложном стремлении решить народно-эпическую тему в экзотическом, эстетски-импрессионистском плане. Слушатели сюиты были явно озадачены, и автор вынужден был проиграть произведение вторично.

Итак, А. Локшин не сумел решить взятую им народную тему в духе социалистического реализма. Автор выступил не как воинствующий публицист, проповедующий художественными средствами прогрессивную идею народности, но как эстет, любующийся «экзотической оригинальностью» фольклорных образцов.

Однако обмен мнений о сюите, игнорируя принципиальную постановку вопроса, показал слабость нашей критики и дезориентировал заблуждающегося композитора. Аполитичность, теоретическая беспомощность, формально-эстетский подход проявились в ряде выступлений. Композитору приписывались «тонкий вкус», «влюбленность в звуки» и «необычайная талантливость». Восторженным перечислением этих личных качеств автора выступавшие товарищи подменили научно-эстетический анализ программного содержания и его музыкального воплощения. Врожденная талантливость как бы окупала все грехи автора; ему все прощалось во имя этого завидного качества, превращающегося в некую индульгенцию.

Ссылки на талантливость того или иного автора, уводящие от конкретного анализа его музыки, довольно часты в музыкальной среде. Но что такое талантливость? Может ли быть талантливым произведение, в котором нарушен основной закон музыкально-прекрасного: отсутствует «полное согласие идей и формы» (Чернышевский)? Добролюбов определял талант, как «умение чувствовать и изображать жизненную правду явлений». Товарищ Жданов говорил, что «...народ оценивает талантливость музыкального произведения тем, насколько оно глубоко отображает дух нашей эпохи, дух нашего народа, насколько оно доходчиво до широких масс... Музыкальное произведение тем гениальнее, чем оно содержательней и глубже, чем оно выше по мастерству, чем боль-

шим количеством людей оно признается, чем большее количество людей оно способно вдохновить».

Эстетски усложненная, модернистская сюита Локина не удовлетворяет требованиям научно-объективного, партийного критерия талантливости [курсив мой – А.Л.]. В своей музыке композитор не проявил умения чувствовать и правильно изображать жизненную правду. В этом сказалось пагубное влияние формалистического окружения на этого, несомненно, одаренного музыканта. Серьезные указания ЦК ВКП(б) о музыке не восприняты им еще с должной глубиной, и именно общественная критика обязана прежде всего направить его на верный путь, а не сбивать его с пути ложным воскурением фимиама. <...>»

Текст был опубликован на портале Евг. Берковича («7 искусств», 2010, №2).

Приложение 1.4

Музыка, оскорбительная для Сталина

Недавно побывал в бывшем Московском парт. архиве (ныне – ЦАОПИМ) и нашел следующий любопытный документ – стенограмму закрытого собрания парторганизации Союза композиторов от 14 декабря 1949 года (собрание было посвящено итогам только что закончившегося III композиторского пленума). Напомню, что мой отец никогда не был членом партии.

На этом закрытом партсобрании никто никого не громил. Отличился только музыковед С.И. Корев. Цитирую стенограмму:

<<т. Корев: <... >Теперь, о допущенных на пленуме ошибках. Видите, товарищи, и я считаю, что брать на себя большую вину, чем она есть на самом деле, не стоит. В конце концов, по моим подсчетам больше чем из 200 произведений, 4–5 сочинений можно назвать таких, которые не могли бы пройти, и в этом нет особой

ошибки. Но, есть грубые ошибки – например, кантата Локшина, так как это связано с именем товарища Сталина. Эта холодная, бездушная музыка оскорбительна для такой темы. А то, что прошло дискуссионное произведение Левитина, в этом нет ничего скверного.>> *Цит. по: ЦАОПИМ, ф.1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 69.*

Замечу, что слова Корева вполне согласуются с моим утверждением о том, что причиной разгрома отцовского сочинения было столкновение моего отца с «органами», а антисемитизм играл в данном случае не более, чем второстепенную роль (см. статью).

Москва, 4.09.2012

2. МЫШЕЛОВКА

Эта заметка – о том, что переселение Святослава Рихтера из квартиры Генриха Нейгауза в квартиру Веры Ивановны Прохоровой, произошедшее в 1942 году, было (я уверен – втайне от участников переселения) спланировано в НКВД. А также о других событиях в квартире В.И. Прохоровой – внучки последнего полноправного владельца Трехгорной мануфактуры, дочери ее последнего содиректора.

Цитата первая

«4 ноября 1941 года папу [т.е. Генриха Нейгауза] арестовали <...>. Для всех нас и для Славы [Рихтера] папин арест был тяжелым ударом. В нашей квартире опечатали одну комнату. С этого момента в комнате с двумя роялями жили Слава, Сережа и бабушка, а я переселилась к маме.»

(См. Нейгауз М.Г. «Святослав Рихтер в семье Генриха Густавовича Нейгауза»/ Вспоминая Святослава Рихтера. – М.: Константа, 2000, с. 35–36)

Цитата вторая

«В 1942 году, когда Славе [Рихтеру] стало опасно жить в нашей квартире, Вера [Прохорова] и ее семья (мать и сестра) пригласили его переселиться к ним. Слава прожил у Веры до 1946 года».

(См. цитированную выше статью М.Г. Нейгауз, с. 34)

Цитата третья

«В военные годы Святослав [Рихтер] жил в моей семье, хотя был прописан у Нейгауза, с семьей которого я нахожусь в родственных отношениях. Генрих Густавович в это время сидел в тюрьме. [Неточность: Г.Г. Нейгауз был выпущен из тюрьмы 19 июля 1942 года; см. цитированную выше статью М.Г. Нейгауз, с. 36.] До войны Светик жил у него <...>. Однажды за Светиком пришли с повесткой: «Лихтеру явиться в отделение милиции с паспортом». Светик сказал: «Я не Лихтер, а Рихтер, и никуда не пойду». Оставаться у Нейгауза было опасно, и тут же было решено, что он переедет к нам на улицу Фурманова (ныне это Нащокинский переулок). Стараниями органов у нас ОСВОБОДИЛАСЬ [выделено мной – А.Л.] комната в общей квартире и мы оказались обладателями трех комнат (двоюродного брата и дядю арестовали). И Святослав стал там жить. Днем он часто ходил к Нейгаузам, где и занимался, но вечером всегда уходил к нам. Кстати, ЗА НИМ ВЕЛАСЬ СЛЕЖКА [выделено мной – А.Л.] не только в военное время, но и после войны, так как мать была за границей [выехала на Запад из оккупированной Одессы].

(См.: Прохорова В.И. «Он был всецело в жизни...»/ Вспоминая Святослава Рихтера. – М.: Константа, 2000, с. 46–47)

Здесь кажутся, на первый взгляд, необъяснимыми две вещи:

А) почему «освободившаяся» комната не была опечатана;

Б) каким образом Рихтеру, ЗА КОТОРЫМ СЛЕДИЛИ, удавалось ГОДАМИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ жить в квартире Прохоровой без прописки.

О том, какую чрезвычайную роль играла в военные годы прописка, можно прочесть, например, в «Дневниках» Георгия Эфрона (М.: ВАГРИУС, 2004, т. 1, с. 433):

«[Запись от 8 июля 1941 г.] Хозяин комнаты, где мы сейчас проживаем, оставил домкому документ о том, что мы выписываемся 1 августа. Это значит, что с 1 августа мы больше не имеем права тут ночевать. <...> Но ввиду того, что ее муж [т.е. хозяин комнаты] написал о том, что мы выписываемся с 1 августа, как мы можем жить без прописки до 1 сентября? Это невозможно».

Две приводимые ниже цитаты объясняют, на мой взгляд, обе упомянутые странности.

Цитата четвёртая

«Мать Веры [Ивановны Прохоровой], Надежда Николаевна, – урожденная Гучкова.

Московский городской голова Николай Иванович Гучков – ее отец. Александр Иванович Гучков – родной дядя. Да, тот самый, у которого согласно советской историографии, что ни должность, то крамола: основатель и лидер партии октябристов, председатель III Госдумы, военный министр Временного правительства [а также – вдобавок к должностям – один из организаторов Интервенции, влиятельная фигура в Белой эмиграции. Умер в Париже в 1936 году].

С такой родословной в СССР не то, что на работу устроиться – жить было невозможно. <...>

К 1930 [!] году маме [т.е. матери В.И. Прохоровой] все-таки разрешили работать переводчицей с иностранными туристами, в том числе и высокопоставленными»¹.

(См.: Григорьев А. «Прохоровы с Трех гор»/ Известия, 12 мая 1998 г.)

¹ Прочитую книгу В. Прохоровой «Четыре друга на фоне столетия» (М.: Астрель, 2012, с. 45):

«В 30-м году был организован “Интурист”, и маму взяли туда гидом».

Для сравнения процитирую также недавно рассекреченный документ, опубликованный в книге «Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР “СМЕРШ” 1939–март 1946» / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Материк, 2006, с. 15–16:

«Сов. секретно

9 января 1939 г.

№ 63/б

ЦК ВКП (б) товарищу ПОСКРЕБЫШЕВУ

Направляю при этом копию письма от 7-го декабря 1938 года на имя тов. СТАЛИНА и тов. МОЛОТОВА о Всесоюзном Акционерном Обществе «ИНТУРИСТ».

*Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(Л. Берия)*

7 декабря 1938 года

№111967

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Всесоюзное Акционерное Общество «ИНТУРИСТ» решением правительства передано в Наркомвнудел СССР.

Нахождение «ИНТУРИСТА» в системе НКВД считаем нецелесообразным по следующим причинам: <...> Исходя из указанных соображений, считаю целесообразным «ИНТУРИСТ» изъять из ведения НКВД.

*Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности I ранга БЕРИЯ*

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 1207.Л. 69. Подлинник. Рукопись. Л.70 -72. Подлинник. Машинопись.>>>

Цитата пятая

<<На склоне лет, когда многие люди начинают жить воспоминаниями, [советской разведчице, дочери А.И. Гучкова] Вере Александровне Гучковой-Сувчинской-Трэйл понадобился достойный собеседник. Она пишет <...> [советскому разведчику] Родзевичу:

« <...> В свое время Ежов обожал меня (конечно же, в абсолютно невинном смысле), впрочем, я писала об этом в своей книге». >> (См.: Анискович Л. «София Парнок и Константин Родзевич. Две стороны одной луны». – М.: Кириллица, 2005, с. 319)

А вот еще отрывок из той же книги Л. Анискович (с. 311): <<Больше всего участников разборки документов [оставшихся после смерти Родзевича] поразила некая магическая фраза в одном из писем Веры Трэйл: «Пусть, наконец, меня оставят в покое с этой историей [об убийстве] Рейсса и сына Троцкого – у меня железное алиби!» >>

Две последние цитаты, вне всякого сомнения, говорят о том, что квартира Прохоровой тщательно прослушивалась. Что и объясняет упомянутые выше странности, сопутствовавшие переезду и проживанию Рихтера в этой квартире. НКВД, как я полагаю, спланировало этот переезд (разумеется, втайне от Рихтера и семьи Прохоровой): лояльность сверходаренного музыканта нуждалась в круглосуточной проверке.

И в этумышловку в сорок восьмом году был приглашен мой отец.

О том, что из этого вышло, я уже подробно писал в своей книжке «Гений зла», М., 2005.

Вкратце суть такова. В 1950 году Прохорова была арестована, а крамольные разговоры, которые вели мой отец и Прохорова, оставаясь наедине в ее квартире, были предъявлены ей следователем: «Каждый наш разговор с Шурой был представлен как мой монолог, мое высказывание или мое личное мнение». (См.: Прохорова В. «Трагедия предательства»/Российская музыкальная газета, 2002, №4) . И на основании этого Прохорова написала свою статью, обвинив моего отца в своем аресте.

Удивительно, однако, как могла Прохорова позволить себе поддерживать целую серию из многих антисоветских бесед в своей квартире. Она их насчитала целых 12 или 13 штук.

Тем более что мой отец ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСАЛСЯ ПОДСЛУШИВАНИЯ (см. ее статью).

Тем более что Рихтер, ЗА КОТОРЫМ СЛЕДИЛИ, продолжал в этой квартире бывать (см. ее статью).

Тем более, имея такую специфическую родственницу как РАЗВЕДЧИЦА Вера Гучкова-Трэйл.

Тем более что в этой квартире регулярно бывал и отдыхал там душой близкий друг Прохоровой Юрий Нагибин – в то время ЗЯТЬ СТАЛИНСКОГО ЛЮБИМЦА И.А. Лихачева, бывшего наркома машиностроения (!) и чекиста. (См. Нагибин Ю. Вечная музыка. – М.: АСТ, 2004, с. 346–355, а также Нагибин Ю. Моя золотая теща. – М.: АСТ, 2004, с. 228–229, где И.А. Лихачев выведен как «В.К. Звягинцев»)

Кстати, Прохорова пишет о беседах с моим отцом: «<...> А все разговоры стали носить сугубо политический характер». Но разговоры на политические темы должен кто-то начинать. Тем более во время террора. Тем более, если собеседники знакомы не больше года. Видимо, это был человек, который не боялся подслушивания...

А что же делала Вера Гучкова-Трэйл в том самом 1949 году, в котором велись антисоветские разговоры в квартире Веры Прохоровой? Она тоже вела антисоветские разговоры, только по-английски.

«Уже в 1949 году, – пишет Ален Бросса, – когда Виктор Кравченко в эпоху нарастания холодной войны открыл глаза западному общественному мнению своей нашумевшей книгой «Я выбираю свободу», она сопровождает перебежчика на публичных выступлениях в качестве переводчицы. На фотографии, опубликованной 4 мая 1949 года в газете «Ивнинг ньюс», Вера Трайл стоит рядом с Кравченко, нервно затягиваясь сигаретой...» (см. цитированную выше книгу Л. Анискович, с. 314–315).

Конечно, Прохорова могла не знать о профессии Веры Гучковой-Трэйл. Но как выдающийся знаток своей родословной могла бы и догадаться.

Вообще, Лубянка умела творчески использовать подслушку. Вот цитата из воспоминаний Елены Боннэр, относящихся, правда, уже к более поздним временам (1971 году), но почерк Учреждения тот же:

«Мы [т.е. Елена Боннэр и Андрей Сахаров] прошли в его комнату, которую за месяцы, что прошли с декабря, я уже знала до последнего гвоздя в стене. Пили кофе, грызли печенье и то, что он мне говорил в эти часы (он мне все еще – Андрей Дмитриевич, я ему – Люся – вы), было потом пересказано в грязно-отвратительной тональности в итальянской газетенке «Сетте Джорно» со ссылкой на меня, что я якобы это рассказывала про него своим подругам. Прослушивание в его квартире было налажено хорошо».

(См.: Сахаров А., Боннэр Е. Дневники, т. 1. М.: Время, 2006, с. 65)

Как известно, дискредитировать Елену Боннэр в глазах Сахарова с помощью подслушки не удалось. В истории моего отца все обернулось иначе – травлей со стороны прогрессивной общественности, не прекратившейся и после его смерти...

P.S. Недавно мне попался на глаза совершенно удивительный документ, помещенный в книгу «Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ». – М.: Издательский дом «Звонница», 2002, с. 82–90:

<<СПРАВКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ «МОСКОВСКОГО ПЛАНА»>>

14 октября 1941 г.

Сов. секретно

Для товарища Л.П. БЕРИЯ

<...>Агент «Лекал» – бывший офицер царской армии, старый проверенный агент.

Оставляется в тылу противника с заданиями разведывательного характера. Для успешного выполнения задания по нашему заданию женился на дочери бывшего владельца «Прохоровской мануфактуры», располагающей большими связями среди сотрудников немецкого посольства в Москве и белой эмиграции.

В случае возвращения жене фабрик «Лекал» будет ими управлять и займет соответствующее общественное положение.<...>

Со всеми вышеперечисленными руководителями групп и агентами установлены пароли для связи.

КОБУЛОВ

ЦА ФСБ России, ф. К-1 ос, оп. 6, д. 84, л. 28-36.

Подлинник. Рукописный экземпляр исполнен Н.И. Эйтингоном.>>

Оставляю этот документ без комментариев.

Текст был впервые опубликован на портале Евг. Берковича (Заметки по еврейской истории, 2007, №13).

3. «ЗНАЮТ ОБ ЭТОМ НЕМНОГИЕ»

Есть небольшая группа людей, которые знают, что датированное 28 февраля 1961 года письмо Марии Вениаминовны Юдиной ее давнему другу, историку книги В.С. Люблинскому как-то раз таинственным образом исчезло на полгода, а затем нашлось [1].

В этом письме, написанном Юдиной непосредственно после встречи с моим отцом (отец показывал ей свой Реквием), есть такие строки о нем [2]:

«Теперь должна Вам сообщить нечто величественное, трагическое, радостное и до известной степени тайное. Слушайте: я написала письмецо – «профессионально-деловое» по одному вопросу в связи с Малером – Шуре Л[окшину], который его знает, как никто. В ответ он написал мне, что очень просит меня повидаться с ним. Я согласилась. Вчера он сыграл мне свой «Реквием» <...> ШОСТАКОВИЧ ТЕПЕРЬ ПРОСТО БОГОТВОРИТ ЕГО. ЗНАЮТ ОБ ЭТОМ НЕМНОГИЕ [выделено мной – А.Л.]. <...> Я рада, что человек осуществил свою задачу, не зря живет на свете, что Я НЕ ОШИБЛАСЬ, ВЕРЯ В НЕГО, И НЕ ОШИБЛАСЬ, ПОМОГАЯ ЕМУ В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ, И БЫЛА ЕМУ ДРУГОМ В ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ И ЧАСЫ [выделено мной – А.Л.]. Вот как. Не сердитесь».

Упомянутая встреча произошла спустя пять лет после разрыва отношений между моим отцом и М.В. Юдиной, случившегося из-за распушенных не без помощи КГБ слухов о моем отце. Из письма ясно, что Юдина поверила в непричастность моего отца к арестам. И это при том, что технология клеветы, обнажившаяся в последнее время, была моему отцу неизвестна. В письме, конечно, обращает на себя внимание извиняющийся тон Юдиной – она написала Локшину не записку, не письмо – а «письмецо», к тому же не личное, а «профессионально-деловое». Это – стопроцентное подтверждение тому, что и Юдина, и ее корреспондент Люблинский были в курсе сплетни.

Интересно, что существовало *еще одно* письмо Юдиной Люблинскому, где тоже шла речь о Локшине и о его Реквиеме. Письмо это *утрачено* [3].

А вот реакция адресата Юдиной – Люблинского – на полученные им известия о моем отце сохранилась (письмо от 12 марта 1961 г.) [4]:

«О Реквиеме [Локшина] Вы писали – И ЭТО ОЧЕНЬ НЕОЖИДАННО И ДЛЯ МЕНЯ, НО ПРИТОМ И НЕПОНЯТНО [выделено мной – А.Л.]»

Слова Люблинского представляются мне как раз очень понятной и предсказуемой реакцией интеллигента: Локшина с трех сторон обвиняют люди, прошедшие лагерь – о чем вообще может быть разговор?

Но ведь Юдина и сама – тоже в свое время поверила в виновность отца, их отношения были разорваны в 56 году. Что же заставило Юдину написать моему отцу «профессионально-деловое» письмецо и тем самым создать повод для встречи?

Думаю, что дело здесь не в Малере, а в Шостаковиче, который а) будучи в это время первым секретарем Союза композиторов, знал всех имевшихся в упомянутом Союзе стукачей;

б) в отличие от прочих интеллигентов понимал, что музыка и ее сочинитель составляют одно целое.

Шостакович, как я полагаю, и убедил Юдину в невинности моего отца.

Москва, май 2010

- [1] История эта напомнила мне необъяснимую пропажу (случившуюся после смерти М.В. Юдиной) всех транскрипций для фортепиано сочинений Брамса и Малера, которые делал для нее мой отец, и которые она включала в свои концертные программы. (По свидетельству Г.И. Семёнова, «*о транскрипциях Локишина Малера она [М.В. Юдина] говорила, что их исполнения были одними из самых волнующих в ее жизни*». См.: «Вспоминая Юдину». – М.: Классика-XXI, 2008, с. 212).
- [2] Письмо это впервые было опубликовано А.М. Кузнецовым в журнале «Звезда», №9, 1999, с.175-176.
- [3] Юдина М.В. Переписка 1959–1961 гг. – М.: РОССПЭН, 2009, с. 490.
- [4] См. там же.

Глава II.

ЛОГИКА В НЕПРАВИЛЬНОМ МИРЕ

1. О ДОВЕРЧИВОСТИ

Моя цель – представить читателю небольшую коллекцию случаев выдающейся доверчивости, разбросанных по мировой мемуарной литературе. Ни на какую систематичность я при этом не претендую.

1.1. Вот что писала Лидия Чуковская 27 сентября 1956 года в своих «Записках об Анне Ахматовой»[1]:

<<Потом, накануне отъезда Анны Андреевны в Ленинград, я встретила с ней у Наташи Ильиной, и Анна Андреевна рассказала нам о блестящем светском собрании на даче [Пастернака]: до обеда Рихтер, после обеда – Юдина, потом читал стихи хозяин.

– Недурно, – сказала я.

– А я там очень устала, – ответила Анна Андреевна. – Мне там было неприятно, тяжело. Устала от непонятности его отношений с женою: «мамочка, мамочка». Если бы эти нежности с Зиной означали разрыв с той <...> так ведь нет же! и ничего не понять... Устала и от богатства. Устала от того, что никак было не догадаться: кто здесь сегодня стучит? [выделено мной – А.Л.] >>

Мрачный юмор Ахматовой удастся вполне оценить, только прочитав воспоминания Михаила Ардова [2]:

<<Мне вспоминается такая сценка. В нашей столовой довольно много людей – Ахматова, мои родители, Лев Никулин с женой – актрисой Малого театра Е.И. Рогожиной. Екатерина Ивановна хотела что-то сказать о Наталии Иосифовне Ильиной, но при этом забыла ее фамилию:

– Эта, ну как ее ?... Из Шанхая... Штабс-капитан Рыбников...

Реплика эта имела бурный успех, мы все знали и любили одноименный рассказ. Как помним, купринский герой был шпионом, приехавшим с Дальнего Востока, но и прибывшая из тех же мест Ильина, по мнению некоторых людей, была секретным сотрудником Лубянки. Среди тех, кто вполне разделял это мнение, была Ахматова. <...> С того самого дня, когда Рогожина сравнила Ильину с купринским героем, Штабс стало ее тайным прозвищем и прочно вошло в лексикон Анны Андреевны. >>

На мой взгляд, из текста «Записок» видно, что Л.К. Чуковская ни о чем ТАКОМ не подозревала. (См., например, ее запись от 19 декабря 1958 года.) И это – не мелкая деталь! Наталия Ильина – известная писательница, важное действующее лицо в книге Л.К. Чуковской. (Имеет ли сюда какое-то отношение описанный В. Фромером [3] спор Анатолия Якобсона с Л.К. Чуковской, мне неизвестно.)

1.2. Перейду к другому необычайному примеру. Это – характеристика, данная молодым декабристом Вадковским провокатору Шервуду-Верному [4]:

<<Вот как я понимаю этого человека [т.е. Шервуда-Верного] теперь, когда я уже знаю его. По характеру он англичанин. Непокосимой воли, олицетворенная честь, он тверд в своих словах и в своих намерениях. Холодный при первой встрече, в интимном знакомстве он обнаруживает чувство редкой сердечности и самопожертвования. Нет жертв, которых он не согласился бы принести для достижения своих целей, нет опасностей, которым он не решился бы подвергнуться для того, чтобы успеть в исполнении намеченного... Все это я говорю вам на основании опыта, путем которого я убедился в его способностях и нравственной силе... Я знаю его уже целый год, и это дает мне право сказать вам, что вы можете быть с ним так же откровенны, как были бы со мной. Малейшее сомнение, которое появилось бы у вас относительно него, нанесет ему чувствительное оскорбление. Я говорю: появилось бы, потому что у него достаточно такта, чтобы заметить это, как бы вы тщательно ни скрывали...>>

1.3. Теперь пойдет речь о доверчивости людей необразованных. Она выглядит несколько иначе. Следующий эпизод взят мной из книги воспоминаний эсера П.М. Рутенберга [5]:

<<Труппы были направо и налево от меня. Около них большие и малые алые пятна на белом снегу.

Рядом со мной, свернувшись, лежал Гапон. Я его толкнул. Из-под большой священнической шубы высунулась голова с оставившимися глазами.

– Жив, отец?

– Жив. <...>

Надо было спасать Гапона.

Я сказал ему, чтобы он отдал мне все, что у него было компрометирующего. Он сунул мне доверенность от рабочих и петицию, которые нес царю.

Я предложил остричь его и пойти со мной в город.

Он не возражал.

Как на великом постриге, при великом таинстве, стояли окружавшие нас рабочие, пережившие весь ужас только что происшедшего, и, получая в протянутые ко мне руки клочки гапоновских волос, с обнаженными головами, с благоговением, как на молитве, повторяли:

– Свято.

Волосы Гапона разошлись потом между рабочими и хранились как реликвия.>>

1.4. А вот – великолепный образец доверчивости несколько иного рода. Цитирую воспоминания историка, прозаика и поэта Юрия Айхенвальда:

<< Понимаете, я убежден, что Горб [разведчик, тесть Ю. Айхенвальда] был человеком абсолютно честным. При том, что многие его поступки... Я вот, например, знаю по рассказам Евгении Семеновны [теща Ю. Айхенвальда], что за границей он организовал отравление, убийство одного нашего атташе, который остался в Праге, в Чехословакии – это было в 20-е годы. Или чистка в Монголии: чекисты переодеты были – выдавали себя за белых офицеров, которые собирают отряд в помощь китайцам, чтобы во-

евать с бандитами-большевиками. Ну, люди шли на эту удочку, а чекисты их расстреливали, как только они выезжали за пределы города.>>[6, с. 273]

1.5. Приведу еще один отрывок из воспоминаний Юрия Айхенвальда. Здесь, на мой взгляд, мы имеем дело со случаем крайней доверчивости (к советской власти):

<<Теперь про Вольпина, как Вольпин туда [в Караганду] попал [в 1951 году]. Он получил, оказывается, 5 лет ссылки [неточность: не ссылки, а высылки]. Выяснилось, что существует такая возможность: тебя могут арестовать, предъявить 58-ю, потом ты проходишь экспертизу, тебя признают психически больным, после этого ты год-полтора примерно болтаешься в тюремной больнице, где кормят нормально, прогулки, библиотека – в общем, совсем нормальная, приличная жизнь. И после этого, мало того что тебя не отправляют в лагерь, тебе еще дают 5 лет свободы [и разрешают работать в школе]. Оказывается, вот таким образом можно было спастись от советской власти, от ее карающей руки. Это было потрясающе!>>[7]

1.6. Теперь – эпизод, заимствованный мной из воспоминаний журналиста В.Л.Бурцева, разоблачителя Азефа. Здесь хорошо видно, что доверчивость и недоверчивость – это, в сущности, одно и то же:

<<На суде [имеется в виду суд над Бурцевым, устроенный эсерами, чтобы защитить Азефа], как только началось дело Азефа, я чувствовал к себе особенно злобное отношение со стороны Чернова и Натансона. <...> В отношении к себе в деле Азефа я не могу ничем упрекнуть только самого горячего защитника Азефа – Савинкова. Чернов и Натансон не скрывали желания утопить меня, спасая Азефа. Я был в положении обвиняемого, и мне приходилось мириться с этим инквизиционным отношением ко мне и отвечать на все вопросы, даже когда они делались с злобными чувствами и даже когда этих чувств не скрывали.>> [8]

1.7. А вот еще пример выдающейся доверчивости. Видный деятель белой эмиграции Шульгин писал о своем конспиративном путешествии в Россию (23 декабря 1925 – 6 февраля 1926) [9]:

<<Разумеется, при скользкости моего предприятия, мне предоставлялось вечно сомневаться: а не попал ли я в руки ловких агентов Г.П.У.? <...> Дыхания предательства я не ощущал. Наоборот, от всех моих новых друзей шли хорошие токи.>>

Как известно, Шульгина сопровождали именно агенты ГПУ.

1.8. В заключение – наиболее поразительный случай доверчивости. Цитирую Лиона Фейхтвангера [10]:

<<И мне тоже, до тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. <...>

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ [выделено мной – А.Л.] от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда. <...>

В первую очередь, конечно, [сомневающимися] было выдвинуто наиболее примитивное предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию. Однако эта выдумка была опровергнута несомненно свежим видом обвиняемых и их общим физическим и умственным состоянием. <...> Тем не менее противники процесса предпочитают хвататься за самые абсурдные гипотезы бульварного характера, вместо того чтобы поверить в самое простое, а именно, что обвиняемые были изобличены и их признания соответствуют истине. <...>

Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше.

Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один с циничной интонацией, другой молодцевато, как солдат, третий внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый – как раскаивающийся ученик, пятый – поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы.>>

Р.С. А.С. Есенин-Вольпин рассматривал сходные вопросы в своей статье «Теория диспутов и логика доверия» [11]. Вот что он, в частности, пишет:

<<Источник доверия должен иметь определенный акт доверия к нему, без чего он считается подозрительным.>>

<<Основаниями к акту доверия могут служить доказательства и ВОСПРИЯТИЯ БЕЗОШИБОЧНОСТИ ИСТОЧНИКА [выделено мной – А.Л.], а также ранее принятые суждения и правила.>>

<<Неподозрительный источник доверия всегда предпочитается подозрительному, за исключением случаев, когда считается обоснованным обратное предпочтение.>>

<<Отмена акта доверия, совершенная по ошибке, отменяется, чем восстанавливается этот акт и все акты принятия суждений, отмененные в силу этой ошибки.>>

По-моему, Лион Фейхтвангер был вооружен именно этой крайне полезной теорией...

Москва, 2008–2012

[1] Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой, т. 2. – М.: Время, 2007, с. 247, 361–362.

[2] См. Ардов М. Монография о графомане. – М.: Захаров, 2005, с. 75–79.

[3] Фромер В. Реальность мифов. – Иерусалим: Гешарим, 5764; М.: Мосты культуры, 2003, с. 404.

[4] Троцкий И.М. III Отделение при Николае I. – Л.: Лениздат, 1990, с. 127–128.

[5] Рутенберг П.М. Убийство Гапона. – М.: Слово, 1990, с. 11–13.

[6] Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. – М.: Изд-во РГГУ, 2003.

[7] Там же, с. 247. Для сравнения приведу цитату из лагерных воспоминаний Януша Бардаха, опубликованных Люсьеном Фиксом (Заметки по еврейской истории, 2012, №4):

<<... доктор Пяседский сказал: «Мне кое-что известно о докторе Ситкине. <...> Ситкин был восходящей звездой в московской психиатрической больнице имени Краснушкина. Как и все психиатры в Советском Союзе, он тесно сотрудничал с НКВД. Он обязан докладывать директору госпиталя и начальнику НКВД о поведении каждого больного. В Москве арестованных, которые отказывались давать показания против других, направляли в больницу имени Краснушкина. Доктор Ситкин был один из психиатров, которые должны были вырывать у них показания. Используя имеющиеся в его распоряжении химические препараты, он добивался показаний у ведущих советских и партийных официальных лиц. Он также использовал электрошок, вызывал судороги и делал операции лоботомии...» >>

[8] Цит. по: Джанибеков В.Г. Азэф: король провокаторов. – М.: Вече, 2005, с. 223.

[9] Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. – Берлин: Медный Всадник, 1927, с. 63–64.

[10] Фейхтвангер Л. Москва 1937. – М.: Захаров, 2001, с. 88–96.

[11] См. Есенин-Вольпин А.С. Избранное. – М.: Изд-во РГГУ, 1999, с. 190.

2. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ ГИПОТЕЗЫ

Доказывать (или опровергать) какую-либо выдвинутую гипотезу – это, прежде всего, расширять ее контекст. При тоталитаризме такой контекст иногда бывает совершенно безумным.

Рассмотрим пример, основанный на реальных событиях.

Итак,

Цитата первая

<<В начале войны [4 ноября 1941 года] Нейгауза как немца по национальности арестовали. Через несколько дней после его ареста пришли с повесткой к Рихтеру [в московскую квартиру Г.Г. Нейгауза]. Когда в дверь позвонили, он принимал ванну. Мила, дочь Генриха Густавовича, передала ему эту бумагу прямо в ванну. «Здесь написано: «Лихтеру явиться с вещами, – обратился Светик к пришедшему, не вылезая из воды. – А я Рихтер и никуда не пойду». Так посланец и ушел ни с чем [! – А.Л.]. А Святослав

переехал в нашу коммуналку[1], и больше его никто не трогал. НАВЕРНОЕ, НА ЛУБЯНКЕ БЫЛО НЕ ДО НЕГО [выделено мной – А.Л.]. Хотя мы всю войну не ложились спать до 4 часов утра – именно в это время обычно происходили аресты. Сколько мы книг за это время перечитали – и Мольера, и Шекспира, и Ибсена.>>

См. Прохорова В.И. «Светик». – АиФ, вып.12 от 21 марта 2001 г.

Выдвинутая гипотеза – это текст В.И. Прохоровой, набранный заглавными буквами. На первый взгляд, все вполне убедительно. Попробуем, однако, взглянуть в исторический контекст.

Цитата вторая

<<РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА УНКВД г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ М.И. ЖУРАВЛЕВА НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ Л.П. БЕРИЯ О ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИКАЗА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ

№ 1/732 19 сентября 1941 г.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 001237 от 8 сентября 1941 г. в г. Москве и Московской области всего выявлено лиц немецкой национальности 11567 (без политэмиграции), из них:

арестовано – 1142 человека

намечено к переселению – 10425 [человек]

<...> Всего на 19 сентября с.г. переселено 8449 человек, в том числе из г. Москвы 3524 человека и районов Московской области 4925 человек.

<...> Переселяемые из г. Москвы направляются в Карагандинскую область Казахской ССР, а из районов Московской области – в Кызыл-Ординскую область.

<...> Оставлено на жительство в г. Москве (включая членов семей) 1620 человек, из них:

а) лиц, главы семей которых не являются немцами по национальности – 912 человек

б) в связи с преклонным возрастом – 364 [человека]

в) членов семей красноармейцев – 100 [человек]

г) по оперативным соображениям – 97 [человек]

д) как крупные специалисты – 147 [человек]

В связи с переселением в Управление и райотделы НКВД поступило 701 заявление <...>

Среди лиц немецкой национальности в связи с переселением зарегистрированы следующие происшествия [перечисляются случаи самоубийств, а также попыток к самоубийству].

Скрылось от переселения 10 человек. Приняты меры к их розыску. [Выделено мной. – А.Л.]

Начальник управления НКВД МО

старший майор государственной безопасности Журавлев

Архив ФСК РФ. Заверенная копия.>>

Цит. по «Москва военная. 1941–1945». – М.: Мосгорархив, 1995, с. 79–80.

Что касается Рихтера, то он, как это следует из рассказа Прохоровой, скрылся, но при этом особенно не скрывался:

Цитата третья

«... всю войну он [Рихтер] прожил у нас [т.е. в квартире, где жила Прохорова], причем не проявляя никакого страха [!]. Все равно ходил через день или каждый день к тете Милице. Я [т.е. Прохорова] ему говорю: «Тебя же могут арестовать». А он говорил: «Нет, я иду спокойно, книжку даже читаю по дороге. Они не будут думать, что я прячусь». Так и вышло».

См. «XX век в истории одной судьбы...» (интервью, взятое Т. Головиной у В.И. Прохоровой). – Газета КИФА, 2010.

А вот исторический контекст, позволяющий должным образом оценить *необычайную храбрость* Рихтера:

«... в те [сталинские] годы все работники коммунальных служб, от дворника до могильщика, входили в наркомат [НКВД]».

См. Альбац Е. Мина замедленного действия. – М.: Русслит, 1992, с. 45.

Цитата четвертая

<<...казанскому историку А.В. Литвину удалось-таки познакомиться в архиве НКВД с досье другого гостя Елабуги – С.Я. Лемешева. Прославленный певец появился в городе спустя несколько месяцев после гибели Цветаевой. Он провел здесь почти два месяца – с конца мая по июль 1942 года. Документы, обнаруженные Литвиным, доказательно опровергали представление о российской глубинке как о месте, где легко было схорониться от настойчивых преследований Учреждения. Выяснилось, что прямо вслед за Лемешевым и его женой из Москвы в Казань, а из Казани в Елабугу на имя старшего лейтенанта Козунова, начальника елабужского отделения НКВД, последовал циркуляр. Он предписывал установить НЕУСЫПНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА КАЖДЫМ ШАГОМ [выделено мной – А.Л.] знаменитого тенора и его жены, ибо они «разрабатывались» (так принято выражаться на языке НКВД) как предполагаемые шпионы.

ОПИСАНИЕ СОДЕРЖИМОГО ДОСЬЕ ПРОИЗВОДИТ СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ. ОНО ЗАПОЛНЕНО СВЕДЕНИЯМИ О ВЕРБОВКЕ СОСЕДЕЙ ЛЕМЕШЕВА, ЗНАКОМЫХ ЕГО ЗНАКОМЫХ, А ТАКЖЕ УСЕРДНЫМИ ДОНЕСЕНИЯМИ ТЕХ И ДРУГИХ. ЛЕМЕШЕВУ ЗАБОТЛИВО ПОСТАВЛЯЮТ ПАРТНЕРОВ ДЛЯ ПРЕФЕРАНСА, ЕГЕРЕЙ, НАПАРНИКОВ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ ОХОТЫ, – А ОН И НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ, ЧТО ВСЕ ОНИ СТАРАТЕЛЬНО ЗАПОМИНАЮТ КАЖДОЕ ЕГО СЛОВО, ЧТОБЫ СООБЩИТЬ ЗАТЕМ КУДА НАДО.

КАКОЙ ЖЕ ПОСТУПОК ПОВЛЕК ЗА СОБОЙ СТОЛЬ ЭНЕРГИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ «ОРГАНОВ»? ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВСЕГО-НАВСЕГО – НЕМЕЦКАЯ ФАМИЛИЯ ЖЕНЫ ПЕВЦА ! [выделено мной – А.Л.]>>

См. Кудрова И.В. Путь комет, т. III. – СПб.: Крига, 2007, с. 229–230.

Цитата пятая

<< В этом городе [Тбилиси, 1943] я [т.е. Святослав Рихтер] сделал пренебрежительное открытие: я находился под надзором, за мной велась слежка. <...> Кое-кого из моих друзей даже вызывали в НКВД, чтобы выпытать у них что-нибудь на мой счет.>>

См. Монсенжон Б. «Рихтер. Диалоги. Дневники. — М.: Классика-XXI, 2007, с. 57.

Похоже, что гипотеза, выдвинутая В.И. Прохоровой, не выдерживает критики...

P.S. Кстати, предположение Прохоровой чем-то напоминает мне слова самого Рихтера о Г.Г. Нейгаузе: *«Его [Нейгауза] обвинили в умышленном сокрытии своего немецкого происхождения и посадили в тюрьму. Но в нем было столько обаяния, что ему удалось смягчить даже эти инстанции. Через два месяца его выпустили и эвакуировали в Свердловск...»* (См. цитированную книгу Б. Монсенжона, с.43.) [2].

Москва, 2008

[1] См. мою статью «Мышеловка».

[2] Эти слова Рихтера удачно откомментировал Г. Гордон в своей книге «Эмиль Гилельс. За гранью мифа». — М.: Классика — XXI, 2007, с. 154.

3. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РИХТЕРА

(добавление к «Мышеловке»)

В «Мышеловке» я уже обосновывал свое мнение о том, что переезд Рихтера в квартиру В.И. Прохоровой был результатом спецоперации, спланированной на Лубянке. Приведу еще несколько исторических сведений, подкрепляющих мои соображения. Действительно, к моменту этого переселения В МОСКВЕ УЖЕ БЫЛО ВВЕДЕНО ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (20 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА) С КОМЕНДАНТСКИМ ЧАСОМ, РАССТРЕЛОМ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ЛИЦ, УСИЛЕННЫМ ПАСПОРТНЫМ РЕЖИМОМ, ТРИБУНАЛАМИ ВМЕСТО СУДОВ (25 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА) И ПРОЧИМИ ПРЕЛЕСТЯМИ. Обладателю немецкой фамилии [1] — если для него «органами» не было сделано специального исключения — прожить в чужом доме без прописки, как я полагаю, можно было только до первой ночной проверки паспортов. Впрочем, как следует из воспоминаний Прохоровой, милицмейские патрули по какой-то причине к ней не заходили. (Если бы

это было не так, патруль, обнаружив Рихтера в квартире Веры Ивановны, не оставил бы Рихтеру никаких шансов...)

Понимала ли Вера Ивановна, предлагая Рихтеру переехать к ней в «освободившуюся» комнату, что это смертельно опасно?

Для сравнения:

<<Ходили слухи, что таких как она [Марина Цветаева] будут выселять из Москвы, а значит, ЛУЧШЕ УЕХАТЬ САМОЙ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ... [выделено мной – А.Л.] Уже начали выселять немцев, чьи предки поселились в России еще при Петре.>>

(См. Мария Белкина, «Скрещение судеб». – М.: Изографус, 2005, с. 444. Речь идет об августе 1941 года.)

<<4 ноября 1941 года папу [т.е. Г.Г. Нейгауза] арестовали. В ордере на арест (позднее мне дали его прочесть) написано, что *причина ареста – отказ от выезда в эвакуацию* [курсив мой – А.Л.].>> .].>>

(См. Нейгауз М.Г. «Святослав Рихтер в семье Генриха Густавовича Нейгауза». В кн. «Вспоминая Святослава Рихтера». – М.: Константа, 2000, с. 35.)

<<Дочь выросла без меня – она была уже студенткой. Впервые в ее и моей жизни встретились мы вчера. По Москве *еще* [курсив мой, речь идет о ноябре 1953 года – А.Л.] ходили ежевечерне милиционеры, проверяя в каждой квартире лишних и чужих <...> >>

(Варлам Шаламов. Воспоминания. – М.: АСТ, 2003, с. 321.)

А вот еще одно превосходное свидетельство, полезное для современного читателя. Известный скрипач Артур Штильман в своих мемуарах описывает приезд во Фрунзе в январе 1942 года:

<<Пока что пришлось временно прописаться у [...] в качестве их мнимых родственников, так как «квартильные» – полуофициальные представители НКВД, хотя и штатские лица, слишком часто навещались для проверки во все без исключения квартиры – дом за домом, квартира за квартирой подвергались самой тщательной проверке. И хотя хозяин наш был следователь пограничных войск, все равно закон о прописке должен был быть свято соблюден. >>

(См. Артур Штильман, Из книги воспоминаний «Москва, в которой мы жили». – Заметки по еврейской истории, 2011, №8 (143))

[1] Из недавно вышедшей книги Андрея Гаврилова «Чайник, Фира и Андрей» (глава «Энигма», с. 167) я узнал, что Рихтер был немцем по паспорту. См. в этой связи также Добавление IV.

4. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН В НАЧАЛЕ 50-х

(Глазами Ольги Адамовой-Слиозберг

и Наума Коржавина)

В обоих приводимых ниже отрывках меня поразила не только фигура самого Вольпина, но и то, что его друзья явно недооценивали разнообразие опасностей, исходивших от общения с ним. В четвертой главе (в «Открытых письмах») я приведу еще один необычайный отрывок из воспоминаний, посвященных Вольпину.

4.1. Из книги: ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ. ПУТЬ.

(М.: Возвращение, 2002, с. 188–189)

<<1 августа 1951 года мне исполнилось сорок девять лет. В гости ко мне пришли Эмка Мандель, Алик Вольпин (Есенин), Валя Герлин [дочь «Горба» – А.Л.] и Юра Айхенвальд. В подарок они мне принесли бутылочку портвейна. Я совсем забыла, что Алику нельзя пить. Разлили половину бутылочки и выпили за именинницу. Второй тост захотел произнести Алик.

Дело было летом, одно окно было разбито, а всегда, когда собирались четыре-пять человек ссыльных, «вертухаи» (сотрудники МГБ) шныряли под окнами.

Итак, тост поднял Алик

– Я пью, – сказал он своим громким, скрипучим голосом, – Я ПЬЮ ЗА ТО, ЧТОБЫ ПОДОХ СТАЛИН! [Здесь и далее все выделения в тексте сделаны мной – А.Л.]

Моих гостей как ветром сдуло. Я осталась вдвоем с Аликом.

– Замолчи! Ты же губишь и меня и себя! Замолчи!

– Я СВОБОДНАЯ ЛИЧНОСТЬ, – важно ответил Алик, — И ГОВОРЮ, ЧТО ХОЧУ. Я ПЬЮ ЗА ТО, ЧТОБЫ ПОДОХ СТАЛИН!

Я хотела зажать ему рот и как-то стукнула его по губам, в результате чего он очень податливо упал на пол и немного тише, но так же четко и раздельно повторил:

– Я ПЬЮ ЗА ТО, ЧТОБЫ ПОДОХ СТАЛИН. Я СВОБОДНАЯ ЛИЧНОСТЬ, ВЫ НЕ СМЕЕТЕ ЗАЖИМАТЬ МНЕ РОТ.

Я опять стукнула его по губам, а он продолжал повторять свой тост, но все тише и тише.

В паническом ужасе я начала просто бить его по губам, по щекам, куда попало, а он продолжал бормотать одно и то же.

Наконец встал и сказал мне:

– Я презираю вас, как МГБ, – и ушел.>>

Этот текст нужно, конечно, читать медленно. На мой взгляд, О. Адамова-Слиозберг нарисовала с симпатией портрет совершенно уникального персонажа, достойного занять свое место рядом с Дон-Кихотом и Швейком. Но продолжу прерванную цитату.

<<Тотчас вернулись Мандель, Валя и Юра. Оказывается, они бежали под окнами и сторожили, не появятся ли «вертухаи», но таковые не появились. Потом вышел Алик. Они проследили, куда он пойдет, и, убедившись, что он пошел домой, прибежали ко мне.

Назавтра Валя пришла ко мне и сказала, что Алика не было на работе, а когда она его навестила, то увидела, что он лежит избитый, с такими синяками под глазом и на губах, что идти на работу не может.

– Вавка, – сказала я, – иди к нему, отнеси ему от меня вчерашний пирог, который он не съел, и попроси за меня прощения.

Валя исполнила поручение и вернулась с томиком Лермонтова, который посылал Алик мне в подарок с надписью: «Дорогой Тигре Львовне, которая бьет не в бровь, а в глаз». Но, к сожалению, инцидент на этом исчерпан не был.

Дней через пять он поправился и пошел на работу. Его школа помещалась близко от швейного ателье, где я работала начальником цеха. Он частенько заходил за мной после конца работы, и мы вместе шли домой. Увидев, что он цел и невредим, я издала крикнула ему:

– А! Ты пришел! Ну, ты не сердись на меня? – на что последовал громогласный ответ через весь цех:

– НЕУЖЕЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ЭТОТ ПОДЛЕЦ СТАЛИН МОГ НАС РАССОРИТЬ?

Мою реакцию можно себе представить.

Долго-долго я не спала по ночам и ждала реакции МГБ на слова Алика. Никакой реакции не было.

Как-то я поделилась своим страхом с одной из работниц. Она мне сказала:

— Мы все слышали его слова, но сговорились молчать, как будто не слышали.

Какие хорошие были мои девочки!>>

4.2. Из книги: НАУМ КОРЖАВИН.

В СОБЛАЗНАХ КРОВАВОЙ ЭПОХИ, Т.2.

(М.: Захаров, 2006, с. 464–467)

<< Однажды, уходя от нас после дружеской пирушки [Караганда, 1951], где мы с ним о чем-то спорили, он [Вольпин] вдруг стал громко орать:

– ДА ЗДРАВСТВУЕТ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА! [Здесь и далее все выделения в тексте сделаны мной – А.Л.] Естественно, ничего подобного он не хотел и не жаждал, но газеты и радио были полны проклятиями американцам, которые разрабатывают бактериологическое оружие и чуть ли не применяют его в Корее. Вот Алик и кричал нечто противоречащее всеобщему ору, тому, что навязло в зубах. Но именно поэтому ТО, ЧТО ОН КРИЧАЛ, БЫЛО АБСОЛЮТНО ПОНЯТНО ПЕРВОМУ ВСТРЕЧ-НОМУ, а в отличие от другой антисоветчины могло искренне его возмутить. Это было опасно. Требовалось немедленно заткнуть ему рот, невзирая на его неповторимую индивидуальность. Что мы и пытались сделать всеми доступными методами. Слава Богу, что со стороны это выглядело пьяным разбирательством.

Второй случай, пожалуй, был еще опаснее. Мы – Вава [В. Герлин], Юра [Айхенвальд], и я – посетили его на дому, в уже упоминавшейся Тихоновке: там он квартировал. Не могу взять в толк, чем он мог нас угощать и кто это готовил (заподозрить в этом его самого нет никакой возможности, но помню, что угощение было. И выпивка, конечно, тоже). Гости пили по обыкновению немного, но хозяин несколько перебрал. Все бы ничего, но, к несчастью, как раз когда пришла пора расставаться и Алик пошел провожать нас к автобусу, на шоссе, проходящем через Тихоновку в Темиртау, показались «эзковозы», везущие эзков домой – из рабочих зон в жилые. И что тут сделалось с Аликом! Он стал карабкаться на насыпь – шоссе тут проложено по насыпи – и ошалело кричать:

– ПРИВЕТ, ТОВАРИЩИ! ДЕРЖИТЕСЬ! СКОРО НАСТУПИТ СВОБОДА!>>

Добавлю, что никогда не считал Вольпина провокатором, сознательно работавшим на Лубянку. Вообще, по моему скромному мнению, ситуация вокруг Вольпина была *организована* во многом аналогично недавно рассекреченной истории поэта-монархиста Бориса Садовского (в лубянских документах фигурировал как «Поэт»). Лубянку интересовал не сам «Поэт» (чьи антисоветские взгляды были прекрасно известны «органам»), а посещавшие его люди.

См.: Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М.: Яуза, 2005, с. 221–223.

5. ЛОГИКА ПРОТИВ ВОЛЬПИНА

(добавление к «Быть может выживу»)

Слова отца, врезавшиеся мне в память лет сорок тому назад, были примерно такие: <<Я ПРИПЕР ЕЕ К СТЕНКЕ, И ОНА ОТВЕТИЛА: «Я НЕ ЧЕЛОВЕК, Я ТРУП».>> Кто-то, очень близкий отцу, оказался сексотом.

Долгое время я не знал даже, к какому году следует отнести этот эпизод. Наконец, в 2001 году в переданном мне письме моего отца И.Л. Кушнеровой от 19 сентября 1949 г. я обнаружил упоминание о «трупe». («Труп вернулся и хочет восстановить отношения со мной».)

Зная из книги «Избранного» А.С. Есенина-Вольпина, что он был арестован 21 июля 1949 года, я, руководствуясь банальным здравым смыслом, сделал вывод о том, что вспышка и разрыв отношений с «трупом» произошли вскоре после ареста Вольпина. Этот вывод напрашивался сам собой. Раз человек арестован, значит, кто-то на него донес; узнав об аресте, – решил я – отец вычислил стукача и «припер к стенке».

Эта ТРИВИАЛЬНАЯ логика в ситуации с Вольпиным неприменима.

Вольпина посадили не ПОТОМУ, ЧТО на него кто-то донес, а ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ скомпрометировать Локшина. Поэтому столкновение с «трупом» следовало с самого начала искать во времени, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМ аресту Вольпина. И оно действительно там обнаруживается!

Цитирую:

<<В июне [1949 года] мы [т.е. В. Прохорова и мой отец] не виделись, а в июле Шуру [Локшина – моего отца] случайно встретила на концерте моя сестра Люба. Я тогда болела гриппом. Узнав об этом, Шура страшно взволновался и пообещал прийти. Во время нашей, как оказалось, последней встречи он был очень беспокоен, У НЕГО ДЕРГАЛОСЬ ЛИЦО, И ОН ТАК СТРАННО НА МЕНЯ СМОТРЕЛ, КАК БУДТО Я ЛЕЖАЛА В ГРОБУ. Я ЕГО СПРОСИЛА ОБ ЭТОМ, О ПРИЧИНАХ ЕГО ДОЛГОГО ОТСУТСТВИЯ, ВСПОМНИЛА НАШИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ, СКАЗАЛА, ЧТО ВСЕГДА БУДУ ИХ ПОМНИТЬ. ШУРА ОТВЕТИЛ, ЧТО НИЧЕГО ОСОБЕННОГО В НАШИХ ВСТРЕЧАХ НЕ БЫЛО. >>

См. Прохорова В. Трагедия предательства/ Российская музыкальная газета, 2002, №4.

Как я полагаю, причина «дергающегося лица» и «долгого отсутствия» (а также ясно выраженного нежелания продолжать «замечательные беседы») – это случившееся перед встречей с Прохоровой окончательное выяснение отношений и разрыв с «трупом». Итак, наиболее вероятное время для данного события – начало июня 1949 года. (Замечу, что упомянутому событию наверняка предшествовал какой-то период накапливающихся подозрений.)

11.01.2008

P.S. Любопытно, что несмотря на свою довольно обидную реплику, мой отец через сестру Прохоровой был в сентябре 1949 года приглашен в ее дом, и встречи продолжались (см. цитированную выше статью Прохоровой).

Глава III.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Эта глава посвящена, в основном, моему школьному учителю истории и литературы, диссиденту Анатолию Якобсону, трагически погибшему в 1978 году.

К моему величайшему сожалению, Якобсон и его бывшая жена Майя Улановская всегда были горячими сторонниками Веры Прохоровой.

Материал этой главы знакомит читателя с образом мыслей и действий моих непримиримых оппонентов.

1. КТО ЛУЧШЕ РАЗБИРАЕТСЯ В СТУКАЧАХ?

В 2003 году, уже после того как я ответил Прохоровой на все ее обвинения в адрес моего отца (см., например, [1]), в издательстве ИНАПРЕСС вышла очередным дополненным изданием книга Н. и М. Улановских «История одной семьи». В этой книге подруга Прохоровой Майя Улановская, ВИДЕВШАЯ МОЕГО ОТЦА ВСЕГО ОДИН РАЗ В ЖИЗНИ НА КОНЦЕРТЕ, называет его «сверхъестественным злодеем» и «нелюдем», который – после концерта – «кланялся, как заводная игрушка», и т.д. и т.п. Читая текст Улановской, я поначалу поверил в искренность ее ненависти к моему отцу. (Впоследствии, однако, эта моя уверенность сильно поколебалась.) Приведу теперь, в качестве примера, один превосходный пассаж (стр. 244):

<<Несколько лет назад в Иерусалиме побывал Р. Баршай и пригласил меня на свой концерт, чтобы поговорить о Локшине. Опасаясь, что от меня через русский журнал, где впервые были напечатаны эти воспоминания, пойдут порочащие музыканта слухи, он напомнил мне за кулисами, что «гений и злодейство – две вещи несовместные», а Локшин – гений и потому не мог быть сту-

качом. «Я кое-что понимаю в музыкальных гениях». — «А я понимаю в стукачах».>>

Однако, вот что пишет по сходному поводу госпожа Улановская, когда дело касается ее самой: (см. книгу А. Якобсона «Почва и судьба». Вильнюс — Москва, 1992, с. 342):

<<В первом же письме ко мне из Черняховской спецпсихбольницы (от 4.8.70) Григоренко выразил полное понимание моей вспышки <...>[Читатель, я надеюсь, понимает, что, находясь в психушке, выражать какие-либо сомнения и подозрения было невозможно. — А.Л.]. Однако, в своей книге «В подполье можно встретить только крыс...» (Нью-Йорк, Детинец, 1981, стр. 674–675), вспоминая о собрании в своем доме, он придал этому пустяшному эпизоду крайне зловещий смысл, намекая на мои связи с КГБ. Все попытки объясниться с Григоренко лично или через прессу ни к чему не привели.>>

Интересно, а Григоренко понимал что-нибудь в стукачах?

* * *

Все, как видно, познается в сравнении. Ничуть не желая умалять достижения М. Улановской, хочу привести поразившую меня цитату из воспоминаний Евгения Шварца, где он пишет об отношении высоколобой публики к Шостаковичу:

<<Но года два назад в среде более высокой, среди композиторов по праву, я вдруг обнаружил ту же ненависть [к Шостаковичу]. Сами композиторы помалкивали, несло от их жен. Одна из них, неглупая и добрая, глупела и свирепела, едва речь заходила о Дмитрие Дмитриевиче: «Это выродок, выродок! Я вчера целый час сидела и смотрела, как он играет на бильярде! Просто оторваться не могла, все смотрела, смотрела... ну выродок, да и только! <...> Какова наглость? У него петух бросается на людей, а он зовет: «Заходите». Выродок!» Я ужаснулся этой ненависти, которой даже прицепиться не к чему, и пожаловался еще более умной и доброй жене другого музыканта. Но и эта жена прижала уши, оскалила зубы и ответила: «Ненавидеть его, конечно, не следует, но что он выродок — это факт.» И пошла, и пошла.[2]>>

Конечно, случаи с Шостаковичем и с моим отцом совершенно разные. Но есть в них одно несомненно общее — это готовность

культурной публики поверить в несусветную чушь и дружно возненавидеть *непохожего*.

Я благодарен М.Улановской, которая, поддерживая свою репутацию за чужой счет, сохранила для любителей музыки замечательную историю о Рудольфе Баршае.

- [1] Локшин А.А. «Трагедия предательства» как портрет эпохи / Российская музыкальная газета, 2002, №7/8. Эта статья, воспроизведенная также в «Гении зла» (М., 2005), представляет собой ответ на статью: Прохорова В.И. Трагедия предательства / Российская музыкальная газета, 2002, №4.
- [2] Евгений Шварц. Позвонки минувших дней. – М.: Вагриус, 2008, с. 196–197.

Приведу теперь свою заметку, опубликованную в феврале 2007 года на <http://www.lokshin.org> примерно в таком же виде:

2. ПЕТР ГРИГОРЕНКО, МАЙЯ УЛАНОВСКАЯ

И ДРУГИЕ

Насколько мне известно, книга воспоминаний «В подполье можно встретить только крыс...» известного правозащитника П.Г. Григоренко (1907–1987) издавалась на русском языке трижды.

В прижизненном издании 1981 года (Нью-Йорк, Изд-во «Детинец») имеются примерно четыре страницы (см. с. 674–678), опущенные в российских изданиях 1990 и 1997 годов.

Данная заметка – попытка разобраться в том, почему эти важнейшие страницы, содержащие не для всех приятные мысли, исчезли в двух переизданиях книги, сделанных после смерти ее автора.

В частности, исчезли такие строки:

«В честности Петра Якира в те дни [т.е. в дни, предшествовавшие аресту и «раскайнию» Якира] я усомниться не могу. Слишком близко и хорошо я его знаю, чтобы подозревать в чем-нибудь темном. У него были два недостатка, из-за которых я советовал ему отойти от [правозащитного] движения, не ожидая аре-

ста. Первый из этих недостатков – излишняя, просто невероятная доверчивость. Стоит совершенно незнакомому человеку придти к нему и рассказать о действительных или мнимых бедах, перенесенных им от властей, и он уже для него свой человек. Любый бывший зэк – друг и брат. Он последнюю рубашку снимет с себя для него и поделится последней рюмкой.

Его невероятную доверчивость я могу продемонстрировать на примере. <...>

Второй недостаток Якира, о котором КГБ знало так же точно, как и о первом, это его надломленность. 14-летним мальчиком он был взят из очень благополучной и пользующейся почетом семьи героя гражданской войны, военного теоретика, командарма Ионы Якира и брошен в бездну лагерного мрака. Вместо любящей родительской ласки – мат и побои надзирателей, издевательства уголовников. 17 лагерных лет и ссылки навсегда поселили в его душе ужас перед лагерной бездной. Люди не понимают всей глубины этой трагедии. Они видят обычно лишь ее следствие – пьют. Я же видел саму суть и поражался, как смог он преодолеть этот ужас и стать одной из самых заметных фигур правозащиты.»

Трудно назвать эти строки НЕСУЩЕСТВЕННЫМИ. Особенно если в дальнейших изданиях сохранилось ТАКОЕ (речь идет о «раскаении» Якира, показанном в 1973 году по телевидению; П.Г. находился в это время в психиатрической клинике и вынужденно смотрел телепередачу):

«Я понимал, что это спектакль, и сжал сердце в кулак. Но когда на вопрос П. Якиру, что он может сказать о психическом состоянии Григоренко, был получен ответ: «Я как неспециалист не мог правильно судить о его психическом состоянии, поэтому все мои утверждения о полной его нормальности объективно являются клеветническими», – я еле удержался от крика боли. В какую же бездну падения надо сбросить человека, чтобы он об отце своем не мог сказать – нормальный он человек или сумасшедший. А к Петру Якиру я относился именно как к сыну. К любимому сыну. И он ко мне относился по-сыновьи. Последние полгода перед моим арестом редкий день проходил, чтобы мы не виделись. О его сыновьем отношении свидетельствует и отношение к моей семье после моего ареста.

И вот теперь он заявляет, что «не знает», нормальный я или сумасшедший. Было от чего взвыть. Думаю, что даже в «раскайнии» у человека должна быть черта, которую перешагивать нельзя. Петр ее перешагнул».

Нью-Йорк, Изд-во «Детинец», 1981, с. 727–728.

Москва, Изд-во «Звенья», 1997, с. 555–556.

Однако в предисловии к российскому изданию 1997 года Андрей Григоренко пишет:

«Отец не оставлял работу над текстом и после выхода нескольких изданий – что-то поправлял, сокращал казавшееся ему несущественным. Однако, постоянно возникали какие-то более срочные дела, и завершать эту, третью, редакцию пришлось мне – руководствуясь последними указаниями отца».

Изъятие первого из двух процитированных выше отрывков, посвященных Якиру, представляется мне непоправимым ущербом для книги П.Г., и я не исключаю, что Андрей Григоренко, готовя издание 1997 года, подвергся давлению со стороны третьих лиц.

Думать так меня заставляет также следующее обстоятельство.

В 1990 году в журнале «Звезда» книга П.Г. была переиздана, причем приблизительно с тем же изъятием, что и в 1997 году. Однако сделанное изъятие мотивировалось совершенно иначе:

«Характеристики некоторых деятелей правозащитного движения, содержащиеся на последующих страницах главы (стр. 674–678 книжного издания [1981 года]), требуют, на наш взгляд, развернутого фактографического комментария, вследствие чего мы решили в журнальном (некомментированном) варианте воспоминаний П.Г. Григоренко эти страницы опустить. Сокращения сделаны нами с согласия А.П. Григоренко, первого издателя воспоминаний. – Ред.» («Звезда», 1990, № 12, с. 174.)

Итак, инициатива изъятия текста принадлежит редакции «Звезды», а Андрей Григоренко всего лишь выражает свое согласие. О том, что текст сокращается в соответствии с последними указаниями П.Г. – ни слова.

Но это не все. В издании 1981 года на с. 674–675 имелись следующие строки (речь идет о совещании на квартире П.Г. в 1969

году, где обсуждался вопрос о создании легального оппозиционного комитета):

«Когда же появилась Майя Улановская, возмущение мое дошло до предела. Майя в правозащите в то время не участвовала, но, видимо, в страхе за отца своего ребенка (Анатолия Якобсона) время от времени вмешивалась, как противник решительных действий. Мне было понятно, что и в данном случае она привлечена как «ударная сила» противника комитета. Взгляд мой, по видимому, настолько ясно отразил мои чувства, что Толя Якобсон нашел необходимым подойти ко мне и заявить: <<Петр Григорьевич, я Маю не приглашал и даже не говорил ей о совещании [подчеркнуто мной – А.Л.].>>

И далее:

<<Но гвоздем вечера оказалась действительно Майя.

Ее выступление... собственно это не было выступлением. Это была истерика... истерика человека, находящегося в полубессознательном состоянии. <...> После такого выступления говорить было уже невозможно. Да и совещаться тоже. Поэтому я закрыл совет и предложил разойтись. Ко мне подошел Толя Якобсон. Он видел то же, что и я. <...> И он, подойдя, сказал: «Ну, Петр Григорьевич, после сегодняшнего совещания кому-нибудь из нас или даже обоим садиться в тюрьму. КГБ явно не хочет комитета».>>

Как можно было решиться удалить из книги эти драгоценные свидетельства? Тем более, что предсказание Якобсона сбылось в наихудшем варианте. Но продолжу цитировать издание 1981 года книги Григоренко:

«Сейчас в свободном мире и я, и Майя Улановская, и Виктор Красин, и год тому с небольшим был и мой дорогой друг Толя Якобсон. К несчастью безжалостная смерть унесла его от нас. Но нам, живым, надо кое-что выяснить. Майя Улановская пишет воспоминания. Часть уже написала. И издала. Недавно она просила у меня разрешения использовать мои письма [ПИСАВШИЕСЯ ИЗ ЧЕРНЯХОВСКОЙ СПЕЦПСИХБОЛЬНИЦЫ с очевидным расчетом на прочтение «органами». – А.Л.]. Я НЕ РАЗРЕШИЛ И НЕ РАЗРЕШУ [выделено мной – А.Л.], пока не буду уверен в том, что

они будут использованы только в интересах истины. И прежде всего я считаю, что Майя обязана рассказать правду об этом злополучном совещании. Кто ее пригласил на это совещание, какие и кто вел с ней разговоры перед совещанием, что ее так возбудило, привело в то состояние, в каком она выступала [подчеркнуто мной – А.Л.].».

Этот текст в издании 1997 года опущен. Но была ли на то воля его автора?

Ответ на этот вопрос дает сама М. Улановская:
«ВСЕ ПОПЫТКИ ОБЪЯСНИТЬСЯ С ГРИГОРЕНКО ЛИЧНО ИЛИ ЧЕРЕЗ ПРЕССУ НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИВЕЛИ [выделено мной – А.Л.].»

(См. Н. и М. Улановские. «История одной семьи». СПб, ИНАПРЕСС, 2003, с. 302.)

В заключение – еще две цитаты:

«П. Якир был столь крупной фигурой правозащиты, что КГБ вряд ли ограничился бы приставлением к нему одного лишь такого эпизодического наблюдателя как <...>. Кто-то более близкий и постоянно с ним общающийся должен был наблюдать за ним.»

Григоренко П.Г. «В подполье можно встретить только крыс...», Нью-Йорк, «Детинец», 1981, с. 677.

Этот текст в посмертном издании 1997 года книги П.Г. отсутствует. Зато во вступительной статье Сергея Ковалева к упомянутому изданию 1997 года сказано вполне определенно:

«Но там, куда спускался он [П.Г. Григоренко] сам, крыс не было и быть не могло.»

Может быть, данная фраза и объясняет сделанные купюры?

Февраль – декабрь 2007

Видимо, эта моя статья (точнее – ее вариант, упомянутый выше) и была причиной появления статьи М. Улановской [1]:

<http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer6/Ulanovskaja1.php>

Перед этим, однако, я получил от Майи Александровны письмо:

3. М.А. Улановская – А.А. Локшину

23.12.2007

Уважаемый Александр Александрович!

Понимаю Ваше стремление защитить память своего отца и даже то, что Вы для этой цели прибегаете к любым средствам. Однако путь, которым Вы упорно следуете: поиски «компромата» на меня, повторившей в своих воспоминаниях рассказ своей лагерной подруги об истории её ареста – путь этот ни к чему не приведёт. Вы зря тратите своё и моё время. Вот, что я писала Е. Берковичу 13 ноября в связи с этим, ознакомившись с Вашей предыдущей попыткой:

«За меня многие тогда вступились: С. Ковалёв, М. Синявская, Л. Копелев с женой Райсой Берг, но втихаря, чтобы не обижать (а после смерти не компрометировать) старика. Совсем недавно – П. Литвинов на сайте памяти А. Якобсона (который сам был свидетелем эпизода в доме Григоренко и тоже высказался об этом). И эпизод этот из следующего издания книги Григоренко – также втихаря – убрали. Так и Бог с ним».

Чтобы окончательно Вас убедить оставить эту тему, не поленилась отсканировать и привести ниже одно из писем П.Г. Григоренко мне из Черняховской психушки, напечатанных в «Новом журнале», Нью-Йорк, 1990, кн.180, с.254–286. [Письмо от 4.8.70 цитируется в [1], и я его здесь не повторяю. – А.Л.] Подборку его писем нашей семье я специально передала в журнал с целью защититься от его нападок в книге воспоминаний «В подполье можно встретить только крыс». У него при написании книги сложилась концепция – что бороться с несправедливостью следовало открыто, а власть была заинтересована в том, чтобы всех диссидентов обвинить в подпольной деятельности. И некоторые, вроде Юлика Кима, меня, ещё кого-то, толкали движение на этот пагубный путь.

Письма журнал с благодарностью напечатал, в том числе и нижеследующее [т.е. письмо от 4.8.70 – А.Л.], где Григоренко меня явно «реабилитирует» и даже извиняется за резкость, выраженную им на том сборище. Журнал, однако, убрал, даже не потру-

дившись мне об этом сообщить – ту часть, где я излагала свои претензии к генералу.

Надеюсь, что Вас убедила.

Будьте здоровы,
М. Улановская

4. О ПИСЬМЕ М. УЛАНОВСКОЙ, или

ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВШИ

1) Прежде всего – и это главное – я рад, что мой анализ текста, приведенный выше, оказался верным. Предположение о том, что мы имеем дело с *фальсификацией*, подтвердилось в письме самой М. Улановской. (*«И эпизод этот из следующего издания книги Григоренко – также втихаря – убрали».*)

2) Мне странно, что использование брани («нелюдь», которого хотелось «раздавить») и пересказ чужих наветов [2] – это дозволенные средства, а анализ опубликованного текста – средство недозволенное.

3) Мне странно, что прямое нарушение запрета Григоренко на использование его писем из психушки – еще одно дозволенное средство. (Понимает ли современный читатель, что в андроповское время из психушки можно было не выйти, а можно было выйти в виде овоща, если не дай Бог слишком далеко заглянул за кулисы?)

4) Но еще более странно, что уважаемые правозащитники, имея целью защитить М. Улановскую от критики, пожертвовали в переиздании 1997 года великолепным отрывком о Якире, чудовищно исказив рассказ Григоренко об этом дорогом для него человеке.

5) Наконец, удивительно, что люди, сокращавшие текст Григоренко, не заметили, что в результате их действий название книги, в сущности, перестало соответствовать ее содержанию.

Что касается утверждения Сергея Ковалева о том, что «там, куда спускался он [П.Г. Григоренко], крыс не было и быть не могло», то имеется рассекреченный документ за подписью Андропова, из которого следует, что С. Ковалев ошибался.

(См. Крохин Ю. Души высокая свобода: Вадим Делоне. – М.: Аграф, 2000, с.143–146).

Кто был осведомителем в группе диссидентов, близких к П. Якиру, установить, видимо, невозможно. Слишком уж изощренная техника прикрытия использовалась КГБ. Об этом в свое время писал Игорь Маслов (Новая газета, 26–28 ноября, 2001).

А вот, что возможно установить: корпоративная солидарность высокоморальных борцов против цензуры и за права человека позволяет им, не поморщившись, пережить этого самого человека. И ввести свою, правильную, цензуру.

Москва, 2008

ПОСТСКРИПТУМ. Логическая задача: Как объяснить, что М. Улановской не удалось договориться с П.Г. Григоренко? (Решение не должно содержать ссылки на то, что «Видно, в последние годы П.Г. был очень плох»[1].)

Подсказка: Публикация писем П.Г. Григоренко в «Новом журнале», осуществленная М.Улановской **после смерти П.Г. Григоренко (и спустя много лет после самоубийства Якобсона)**, предваряется такими ее словами:

<<Весной 1969 г. мой муж Анатолий Якобсон привел меня к Петру Григорьевичу в его квартиру у Крымского моста [подчеркнуто мной – А.Л.], где после ареста в Прибалтике бывшего председателя колхоза Ивана Яхимовича собралось несколько человек, чтобы обсудить положение. Помню, там были П. Якир, В. Красин, Ю. Телесин, Б. Цукерман <...> >>

[1] См. Улановская М. «Прискорбный эпизод»/ Заметки по еврейской истории, 2008, №6.

[2] См.Улановские Н. и М. История одной семьи. – СПб: ИНАПРЕСС, 2003, с. 242–244.

5. О ПРЕДСМЕРТНОМ ИНТЕРВЬЮ МОЕГО УЧИТЕЛЯ

В 1978 году, за несколько месяцев до своей трагической гибели, мой школьный учитель истории и литературы диссидент Анатолий Якобсон дал интервью своей бывшей жене Майе Улановской. В этом интервью, говоря о преследованиях диссидентов в 1972 году, он упоминает об одном интересном эпизоде, но дает ему странное (на мой взгляд) истолкование.

В этой заметке я предлагаю свое собственное объяснение случившемуся.

Итак,

<<Петр Якир был как бы девственник. Всех обыскивали, а его нет. Потом, из разных источников, до нас стали доходить слухи, будто он давно связан с органами. Но я и тогда считал, и сейчас считаю, что Петя был «двух станов не боец», а боец одного, нашего, стана. Тем не менее его не обыскивали.>>

(См. Интервью Анатолия Якобсона в книге Н. и М. Улановских «История одной семьи». – СПб: ИНАПРЕСС, 2003, с.305)

Анатолий Якобсон дает этому феномену не то объяснение, которое буквально напрашивается, а приводит явно второстепенные доводы:

<<То ли КГБ не хотел трогать его мать, Якиршу, командармшу, то ли у них были свои тактические соображения, потому что он вел себя так, что давал КГБ очень много сведений. Скорее всего и то, и другое.>> (См. там же, с. 305)

Странно, однако, что Якобсон не говорит о намного более очевидном соображении, которым наверняка руководствовались «органы».

А именно, с помощью описанных выше действий удавалось скомпрометировать Якира – одного из лидеров диссидентского движения. Это соображение мне представляется чрезвычайно важным – по сути, мы имеем дело с уникальным свидетельством о «технике компрометации».

Но есть и другое, еще более важное соображение. Из рассекреченного документа за подписью Андропова (см. Крохин Ю. Души высокая свобода: Вадим Делоне. – М.: Аграф, 2001, с. 143–146) следует, что доверием диссидентов, группировавшихся вокруг

Якира, пользовался стукач. Понятно, что, компрометируя Якира, Лубянка одновременно прикрывала своего агента. Думаю, что это соображение и было для «органов» основным.

Якобсон всего этого не понимал или сработал какой-то внутренний цензор?

6. ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ ПОДСЛУШКИ

Эту заметку объединяет с предыдущими фигура моего школьного учителя Анатолия Якобсона.

Цитата первая

<<Людмила Алексеева (она была перепечатчиком многих номеров бюллетеня [«Хроники текущих событий»]) вспоминала:

Наш домашний телефон, конечно, прослушивался. Поэтому с материалами «Хроники» Таня [Великанова] приезжала ко мне без звонка и – чтобы наверняка застать – после 12 ночи. Молча отдавала бумаги. Сверху лежала записочка: «заеду забрать через 2 дня». Если я видела, что не смогу справиться с работой за 2 дня, я зачеркивала эту цифру, писала вместо нее – 3 или 4. И Таня уезжала. Что могла записать установленная «подслушка»? Только звонок в дверь.>>

(См. Терновский Л. Сага о «Хронике»/ Воспоминания и статьи. – М.: Возвращение, 2006, с. 102.)

Позднее Л. Алексеева внесла небольшие, но важные уточнения в свой рассказ (речь здесь идет о 1974 годе и более поздних временах):

<<[Татьяна Великанова] звонила в дверь. Я молча открывала. Мы не знали, что именно прослушивается. (Потом выяснили: и телефон, и квартира.)>>

(См. Новая газета, №8, 2007 г., с. 26.)

Цитата вторая

<<Самым надежным убежищем была квартира Надежды Марковны Улановской, вдовы [разведчика] Александра Петровича [Улановского, скончавшегося в 1971 году] (это он в свое время упустил возможность избавить мир и от Гитлера, и от Сталина). Деятель Коминтерна С МНОГОЛЕТНИМ ОПЫТОМ ПОДПОЛЬНОЙ РАБОТЫ [выделено мной – А.Л.], Надежда Марковна даже не интересовалась, что за материалы храню я в ее кладовке.

– Проходите, дорогая, неизменно говорила она, когда бы я ни появилась, – ОСТАВЛЯЙТЕ СВОИ БУМАЖКИ [выделено мной. – А.Л.]. Все будет в порядке.>>

(См. Алексеева Л. Поколение оттепели. – М.: Захаров, 2006, с. 253.)

Н.М. Улановская – теща Анатолия Якобсона, выпускавшего «Хронику» с весны 1969 по осень 1972 (эмигрировала в Израиль в 1975 году, спустя два года после Якобсона). Почему наверняка прослушиваемая квартира Н.М. Улановской была самым надежным убежищем и почему в сезон охоты за «Хроникой» в ней можно было так изъясняться – для меня загадка.

Р.С. Подслушивание (и подглядывание) в квартирах диссидентов – не миф, а реальность. Об этом, кстати, пишет Юлий Ким в своей вполне серьезной статье «Дело № 24», которую я неожиданно обнаружил в Тридцать восьмом томе «Антологии сатиры и юмора России XX века» (М.: ЭКСМО, 2005, с. 348):

<<Через некоторое время все-таки вышел 27-й выпуск [«Хроники текущих событий» – последний выпуск, редактировавшийся Анатолием Якобсоном; вышел в свет 15 октября 1972 года. См. цитированную выше книгу Л. Алексеевой, с. 391]. На квартиру, куда вечером принесли первые четыре экземпляра, утром нагрянули с обыском. Вошедшие прямоиком направились к шкафу и выдвинули именно тот ящик, где лежал свежий оттиск. Их машина работала не в пример лучше.>>

7. ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДСМЕРТНОМ ИНТЕРВЬЮ

МОЕГО УЧИТЕЛЯ

Проходит время, и некоторые тексты приобретают новый, дополнительный смысл. Цитирую:

<<... он [Г. Суперфин] просто гигант в своей области. А область его очень обширна. Кратчайшим образом, единственным словом, я охарактеризовал бы это как источниковедение. Архивы, документы, библиография – это его стихия. У него колоссальные знания, феноменальное чутье <...>. Помню его [Г. Суперфина] разговор с Верой Прохоровой о генеалогии ее дворянско-купеческого рода, неотделимого от русской истории и культуры. Всем этим он не просто интересуется, а обладает какими-то устрашающими знаниями. Это сказала мне потом и Вера, на которую, кстати, он произвел самое лучшее впечатление.>>

(См. интервью Анатолия Якобсона в книге: Н. и М. Улановские, История одной семьи. – СПб: ИНАПРЕСС, 2003, с. 310.)

Для сравнения: «Мышеловка», Заметки по еврейской истории, 2007, №13.

Имел ли в виду Анатолий Якобсон, что русская история и культура не страдает от отсутствия агентов НКВД на своих славных генеалогических деревьях?

Москва, 2008

8. ПРАВО НА ЛЮСТРАЦИЮ

8.1.

В «Мышеловке» я привел новые красноречивые детали, делающие абсурдность обвинений в адрес моего отца очевидной для всех.

Однако никаких извинений от М.Улановской не последовало. Напротив, ее книга, переизданная в 2005 году, благополучно продается.

Поэтому, перечитав книгу Н. и М. Улановских, я решил написать, что я думаю о сути этой книги.

В 1948 и 1949 годах были арестованы родители Майи Улановской – Н.М. Улановская и А.П. Улановский. А в октябре 1950 года 18-летняя Майя вступает в «организацию, которая ставит

своей целью борьбу с существующим несправедливым строем, за возврат к ленинским нормам».

(См. Н. и М. Улановские. История одной семьи. СПб.: ИНАПРЕСС, 2003, с.194–196).

Далее цитирую по тексту (с. 196–207):

«Тамара о существовании организации не знала. После *встречи у меня* [здесь и далее курсив мой. – А.Л.] она сказала, что у нее больная сестра и она не хочет пускаться ни в какие авантюры. И в дальнейшем в наших тайных разговорах не участвовала.

Итак, с конца октября 1950 до 7 февраля 1951 года я считала себя членом «Союза борьбы за дело революции», сокращенно СДР. В перерывах между лекциями мы с Женей вели крамольные разговоры. *Раз он пришел ко мне и прочел программу организации и «тезисы».*

<...> Я не предполагала, что приобщусь к судьбе родителей очень скоро. 18 января арестовали Женю, Владика Мельникова и других незнакомых мне ребят, 7-го февраля ночью – меня, а 14 апреля – Тamarу.

<...> Арестовано было только членов организации 16 человек (*причислили к нам и Тamarу*), кроме того, много родственников и знакомых.

<...> Пыталась я разобраться, кто нас выдал. В деле находились три доноса, но и мне, неискушенной, *было ясно, что это – не главный источник информации».*

Далее Улановская, основываясь на собственных умозаключениях, обвиняет одного из участников организации в доносительстве и называет его имя.

Приведу теперь цитату, имеющую прямое отношение к стержню книги Н. и М. Улановских – сбору компромата и последующему аресту десятков людей.

«Улановская Надежда (Эстер) Марковна (1903/1904–1986), революционерка, переводчица. <...> Сопровождала мужа, А.П. Улановского, в его *секретных миссиях* в Германию, Китай, США (1921–1933). Узница сталинских лагерей. <...>

Улановский Александр Петрович <...> (1891–1971) <...> *Разведчик* (Германия, Китай, США, Дания). Узник сталинских лагерей».

(См. Алексеева Л. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006, с. 419)

Как могла Майя Улановская, выросшая в семье профессионального разведчика, не понимать в 2003 году, что ее квартира находилась в сталинское время на прослушке и поиски виновного в арестах ей следует начинать с себя? Ведь крамольные тезисы зачитывались не где-нибудь, а у нее дома...

8.2. ПЕРВОЕ НЕОБХОДИМОЕ ДОБАВЛЕНИЕ

У современного читателя может возникнуть вопрос – существовала ли в позднесталинское время прослушка? Ответ на этот вопрос – в статье Сусанны Печуро, осужденной в 1951 году по «делу СДР» (т.е. по тому же «делу», что и Майя Улановская). Статья называется «Я благодарна судьбе...» и опубликована в правозащитном журнале «Карта», вып. 24–25, 1999 г.

Привожу цитату оттуда (с. 101):

<<А кольцо вокруг нас сжималось все туже. Наружная слежка была почти открытой. В комнате Бориса [Слуцкого] под видом проверки электропроводки было поставлено подслушивающее устройство. Когда мы это заподозрили, то придумали очень простой и остроумный способ помешать прослушиванию наших разговоров. Мы закрепили лист плотной бумаги вблизи комнатного электровентилятора...>>

Кстати, у Бориса Слуцкого родители в разведке не работали.

8.3. ВТОРОЕ НЕОБХОДИМОЕ ДОБАВЛЕНИЕ

По тому «делу», за которое сидела Майя Улановская, три человека были расстреляны. Доля ответственности Улановской за это очевидна из ее собственной книги. Как можно было после этого заниматься общественной деятельностью, обличать других?

9. НАВАЖДЕНИЕ

Эта заметка завершает цикл моих статей об Анатолии Якобсоне. Она – о той ловушке, в которую попадает простой и ясный ум в эпоху развитого тоталитаризма.

<<Я [М.Улановская] написала ему [Локишину, моему отцу] письмо, выражая свое презрение. Когда я поделилась на этот счет с отцом [А.П. Улановским] и показала письмо, он его порвал и сказал: «С предателями не переписываются, их убивают. Если хочешь, пойдем к нему, и я его убью».>>[1]

<<[Якобсон] сказал, что Локишин безобразен: шея морщинистая, черепашня, так и хочется ее раздавить.>> [2]

<<Про О. Ивинскую [Якобсон] сказал: – Я не колеблясь вынес бы ей приговор [смертный? – А.Л.], хотя сам и не мог бы его исполнить. >>[3]

<< [М. Улановская – А. Якобсону] Имел ли на тебя влияние мой отец?>>[4]

<<Ум у Толи Якобсона был ПРОСТОЙ И ЯСНЫЙ: НЕ СКЛОННЫЙ К ИЗОЩРЕННОЙ КАЗУИСТИКЕ [выделено мной – А.Л.] <...> >> [5]

Вместо того, чтобы комментировать это самому, приведу САРКАСТИЧЕСКИЕ суждения Якобсона о стихах революционно настроенных романтиков (Багрицкого, Тихонова и других):

<<Итак, функции художника – это: сыск <...>; донос <...>; расправа.>>

<<Перестраховаться, воля, заклиная разящую без разбору слепую силу: «Я не из тех, кого убивают! Я из тех, кто убивает! Сколько угодно, кого угодно – только не меня!»>>

<<Что же после этого остается на долю карательных органов? Суций пустяк: добить растерзанного уже человека. >>

<<Какое жизненное кредо, какое откровение внушил железный Феликс мятущемуся в чахоточном бреде герою «ТВС»? Безраздельно, безраздумно подчинить себя своему времени, Веку:

...если он скажет: «Солги!», – солги

...если он скажет: «Убей!», – убей.

Это называется отчуждением личности – когда человек отрешается от собственного «я» и действует, заражаясь чьей-то волей; передоверяя свою совесть и свой разум какой-то высшей силе, какому-то верховному закону, как его ни назови.>> [6]

[1] См. Н. и М. Улановские. «История одной семьи». – СПб.: ИНАПРЕСС, 2003, с. 243. Скорее всего, это была пустая угроза. Впрочем, бывший разведчик А.П.Улановский, коллега «Горба» по работе в Берлине (см. Айхенвальд Ю. Последние страницы. – М.: Изд-во РГГУ, 2003, с. 265), наверняка был обучен тому, как *это* можно сделать без шума. О том, насколько обширна была его практика, История умалчивает.

[2] «История одной семьи», с. 244.

[3] См. Виктор Каган. Воспоминания. Статьи и рецензии. – Иерусалим: МАХАНАИМ, 2007.

[4] «История одной семьи», с. 294.

[5] См. Юрий Гастев. «Красив да умен...» / Новый американец, Нью-Йорк, 1984, 27 сентября, № 240.

[6] См. А.А. Якобсон. О романтической идеологии. В кн.: Почва и судьба. – Вильнюс – Москва, 1992, с.166–168.

10. ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

Всего лишь курьезное наблюдение: в авангарде разоблачителей Локшина – выходцы из ТРЕХ (!) семей, причастных к разведке:

1. Вера Прохорова (племянница господина «Лекал» и двоюродная племянница знаменитой разведчицы Веры Гучковой-Трэйл).

2. Майя Улановская (дочь разведчика А.П.Улановского).

3. Юрий Айхенвальд (зять разведчика-терминатора «Горба») [1].

Двое последних делали ЭТО, не будучи знакомы с моим отцом и положившись на чужое мнение. Сказались, видимо, какие-то семейные традиции...

Москва, 2008

[1] См. гл. IV, Открытое письмо Александре Ю. Айхенвальд.

Глава IV.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА

1. ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ МУЗЕЯ

И ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА

ИМЕНИ АНДРЕЯ САХАРОВА Ю.В. САМОДУРОВУ

Уважаемый Юрий Вадимович!

На сайте возглавляемого Вами Сахаровского центра помещена книга П.Г. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс...» (Нью-Йорк, Детинец, 1981), где П.Г. Григоренко весьма впечатляюще высказался о М. Улановской, чья (совместная с Н. Улановской) книга «История одной семьи» также представлена на сайте Сахаровского центра.

Как пишет сама М.Улановская, в своей книге П.Г. Григоренко придал некоему <<пустяшному эпизоду крайне зловещий характер, намекая на мои [т.е. М.Улановской] связи с КГБ. Все попытки объясниться с Григоренко лично или через прессу ни к чему не привели.>>

Я пишу об этом неприятном обстоятельстве потому, что в книге Н. и М. Улановских на стр.242–244 содержатся бездоказательные (причем с чужих слов!) обвинения в адрес моего отца, композитора А.Л. Локшина (1920–1987) , якобы посадившего нескольких людей в сталинское время.

Абсурдность этих обвинений в настоящее время полностью доказана – см., например, мою статью «Мышеловка» в «Заметках по еврейской истории» № 13 за 2007 год. Адрес этой статьи в Интернете таков: [http:// berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer13/ALokshin1.htm](http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer13/ALokshin1.htm)

Добавлю, что госпожа М. Улановская, не знакомая с моим отцом, позволяет себе называть его «нелюдем», которого хотелось

«раздавить». Между прочим, на Западе моего отца называют русским Малером...

Я считаю, что самое меньшее, что Вы можете сделать в создавшейся ситуации, – это написать и поместить на сайт Сахаровского центра Ваше личное предисловие к книге Н. и М. Улановских, высказавшись по данной проблеме и дав ссылку на мою «Мышеловку».

Искренне Ваш
А.А. Локшин, сын композитора
Москва, 20 октября 2007

2. ВТОРОЕ ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ МУЗЕЯ

И ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА

ИМЕНИ АНДРЕЯ САХАРОВА Ю.В. САМОДУРОВУ

Уважаемый Юрий Вадимович!

Мое открытое письмо Вам было вручено сотруднику Сахаровского центра для передачи Вам 2 ноября 2007 года. (Не могу себе представить, чтобы его Вам не передали.)

Однако я до сих пор не получил никакого ответа. Тему моего письма НЕВОЗМОЖНО СЧИТАТЬ НЕСУЩЕСТВЕННОЙ, и я хочу знать Ваше личное мнение об аргументах в защиту моего отца, приведенных в моей «Мышеловке».

Если мои аргументы несостоятельны и неубедительны – ОБЪЯСНИТЕ, ПОЧЕМУ ВЫ ТАК СЧИТАЕТЕ.

Если они серьезны и заслуживают внимания – ОБЪЯСНИТЕ, ПОЧЕМУ ЭТИМ АРГУМЕНТАМ НЕ МЕСТО НА САЙТЕ САХАРОВСКОГО ЦЕНТРА.

Может быть, кто-то из влиятельных людей оказывает на Вас давление, не разрешая отвечать на мое письмо?

Искренне Ваш
А. Локшин, сын композитора
11 декабря 2007

P.S. Слышал я недавно такое суждение: «Невозможно игнорировать доводы в защиту Локшина – ведь это такой крупный музыкант!» Я же считаю совершенно иное. Невозможно игнорировать доводы в защиту человека, независимо от того, талантливый он или бездарный, если о нем С ЧУЖИХ СЛОВ ВЫСКАЗАНО ТАКОЕ, КАК ПОЗВОЛИЛА СЕБЕ М. УЛАНОВСКАЯ. Или, может быть, Вы со мной не согласны?

3. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

АЛЕКСАНДРЕ Ю. АЙХЕНВАЛЬД

Недавно прочел изданную Вами книгу воспоминаний Вашего отца (Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. – М.: РГГУ, 2003). Говорить о достоинствах этой книги не стану. Поговорю о тех изъянах, которые Вам не видны.

Ваш отец (а вместе с ним и Вы) повторили *подвиг* М.Улановской, обвинившей моего отца в стукачестве С ЧУЖИХ СЛОВ. (М. Улановская обвинила отца со слов В.И. Прохоровой.) Поступать так, как выясняется, нельзя. Тем более, если жив обвинитель и имеет полную возможность высказаться в печати.

На мое счастье, госпожа Прохорова опубликовала свои обвинения в статье *Трагедия предательства* (Российская музыкальная газета, 2002, № 4). И я сумел ей ответить в №7/8 той же газеты за 2002 год (статья «Трагедия предательства» как *портрет эпохи*), а затем – в статье Мышеловка. Оба текста можно найти на <http://www.lokshin.org>

В результате, как я полагаю, обвинения Прохоровой в адрес моего отца рассыпались... И это еще самое малое, что можно сказать!

Теперь об обвинениях со стороны Вольпина.

Вашего отца – при его богатой биографии - должно было насторожить, но не насторожило следующее обстоятельство. При том фантастическом образе жизни, который вел Вольпин (см., например, воспоминания о Вольпине О. Адамовой-Слиозберг и Н. Коржавина, помещенные на <http://www.lokshin.org>) Лубянка наверняка была завалена доносами на него со стороны перепуган-

ных граждан. А следовательно почему-то ведет дело так, что дознания в доносительстве падают на Локшина. Что бы это значило?

А значило это следующее. У моего отца было в конце сороковых - незадолго до ареста Вольпина – столкновение с человеком из «органов», который во время выяснения отношений раскрылся, и «органам» требовалось его прикрыть. Способ прикрытия – дискредитация Локшина. Все на том же сайте <http://www.lokshin.org> Вы найдете немало косвенных (и одно прямое) подтверждений моим словам.

В условиях охоты за моим отцом Вольпин был использован как инструмент дискредитации. Стоило только подслушать «фразы, сказанные наедине» и затем предъявить их Вольпину!

Кстати, техника подслушивания уже к концу тридцатых была на весьма высоком уровне. Цитирую слова Вашего отца из изданной Вами книги (с. 280):

<< А делся Дюшен вот куда. Горб [РАЗВЕДЧИК, ВАШ ДЕД] его сразу устроил на работу в лабораторию подслушивающих разных устройств. Мне теща говорила еще, покойница: «Ты, – говорит, – Юрочка, никогда ничего не говори в гостинице «Националь»: ее еще Дюшен озвучивал.» Вот чем он, бедненький, занимался – озвучиванием разных помещений, жилых. В 36 году его арестовали.>>

А.А. Локшин, сын композитора
Москва, 5 января 2008

4. ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ МУЗЕЯ

И ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА

ИМЕНИ АНДРЕЯ САХАРОВА Ю.В. САМОДУРОВА

Уважаемый Юрий Вадимович!

То, что Вы упорно не отвечаете на мое письмо, полученное Вами еще 2 ноября 2007 г., является для меня прямым свидетельством убедительности моих аргументов и моей правоты.

Однако мои аргументы, приведенные в «Мышеловке», достаточные для того, чтобы снять с моего отца обвинения в доноси-

тельстве, не объясняют другого – зачем «органам» понадобилось направлять подозрения на моего отца.

Делалось это для того, чтобы прикрыть случайно засветившегося перед моим отцом агента. Подробности можно найти в последнем издании моего «Гения зла» на сайте <http://www.lokshin.org> Новые подтверждения упомянутого обстоятельства продолжают время от времени поступать.

И Вы уверены, что лубянскому сценарию место на сайте Сахаровского центра?

Искренне Ваш
А.А. Локшин, сын композитора
Москва, 8 марта 2008

5. ПИСЬМО МИХАИЛА ЛИДСКОГО

И МОЙ КОММЕНТАРИЙ

Недавно мне стало известно адресованное мне открытое письмо Михаила Лидского:

<<Глубокоуважаемый господин Локшин!

Я получил ссылку на Вашу реплику на форуме «Классика» (я давно туда не пишу): [http://www.forumklassika.ru/showpost.php ...stcount=67](http://www.forumklassika.ru/showpost.php...stcount=67)

Прочитав мое давнее сообщение, где я называю Вашего покойного отца высокоталантливым композитором с весьма сомнительной репутацией, Вы даете ссылку на Вашу статью «Мышеловка» и статью А. Штильмана о Б.Э. Гольдштейне. Сославшись на эти материалы, Вы в форме риторического вопроса предлагаете мне, свойственнику В.И. Прохоровой, извиниться перед семьей Локшина.

Выражаю Вам почтение как сыну крупного композитора. У меня вызывают симпатию усилия, которые Вы предпринимаете для привлечения внимания к наследию отца.

В то же время должен сказать, что репутация А.Л. Локшина продолжает оставаться для меня сомнительной, и, боюсь, еще некоторое время она останется таковой. (Форма, в которой эта мысль бы-

ла выражена мной на форуме «Классика», обусловлена более или менее случайным возникновением этой темы в том потоке: готов принести Вам извинения за, возможно, излишнюю вольность выражения.)

Разумеется, презумпция невиновности не позволяет давать однозначных оценок в этом деле. В то же время, у меня нет оснований не доверять В.И. Прохоровой и покойному [???] А.С. Есенину-Вольпину. Напротив, есть основания серьезно относиться к их словам. С тем, что довелось пережить прошедшим тюрьмы, лагеря и ссылки, не шутят. В.И. Прохорову я знаю лично и убежден, что она никогда бы не стала обвинять Вашего отца, не будь она на 100% уверена. Здесь вопрос доверия конкретному человеку приобретает особую важность, т.к. документально доказать что-либо в этой сфере крайне трудно в принципе - как правило, не остается никаких доказательств.

Для оговора не видно мотива: ни В.И. Прохорова, ни покойный [???] А.С. Есенин-Вольпин – не музыканты. Впрочем, я допускаю, что коллеги-недоброжелатели А.Л. Локшина могли использовать свидетельства В.И. и А.С. для интриг против композитора. Но цепочка косвенных доводов и контрдоводов, как правило, бесконечна. А документ проясняет если не все, то многое. Вспомним, к примеру, историю с секретным протоколом к пакту Молотова-Риббентропа: как только он был найден в Особой папке, дискуссия перешла в принципиально иную плоскость.

На мой взгляд, единственным способом, могущим разрешить сомнения, было бы получение соответствующих материалов из архивов ФСБ. К примеру, М.Г. Нейгауз, как всем известно, получила доступ к делу своего отца (правда, доносы из него были, насколько мне известно, изъяты). Не считаете ли Вы возможным официально обратиться с запросом о своем отце, максимально конкретно поставив вопрос о его взаимоотношениях с МГБ и, в частности, его роли в судьбах В.И. Прохоровой и А.С. Есенина-Вольпина? Мне кажется, это следовало бы сделать.

Пока же я считал бы правильным чтить А.Л. Локшина как большого композитора и изучать его наследие. Остальное медлен-

но, но верно уходит в историю. Быть может, все тайное действительно со временем станет явным. А может быть, и нет.
2 008-02-28 15:58:37>>.

Вот мой комментарий:

1. По поводу причастности моего отца к арестам В.И. Прохоровой и А.С. Есенина-Вольпина в ФСБ обращался. Получил ответ, который М. Лидскому наверняка был известен (этот ответ помещен на <http://www.lokshin.org> в «Гении зла»):

<<ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Управление регистрации архивных фондов

16.02.01 № 10/А-Л-63

Москва А.А. Локшину

По поручению руководства ФСБ России Ваше заявление рассмотрено в Центральном архиве Службы.

Сообщаем, что каких-либо сведений и документальных материалов в отношении Локшина Александра Лазаревича в архиве не имеется.

*Заместитель начальника Управления Н.А. Чичулин
(подпись)>>*

2. Мотив для дискредитации моего отца лежал не в музыкальной сфере – перед отцом засветился человек ОТТУДА, и дискредитация моего отца была средством прикрытия агента.

Об этом я подробно писал в своей книжке «Гений зла». Все это М. Лидский, безусловно, читал, но, вероятно, забыл.

3. Людей к этому делу привлекли (естественно, без их ведома) своеобразных. Во-первых, Веру Ивановну Прохорову, родственницу СРАЗУ ДВУХ высококлассных агентов НКВД (Веры Трэйл и господина «Лекал»). А также Александра Сергеевича Есенина-Вольпина. Несмотря ни на что, я всегда относился к этому талантливому математику и поэту с симпатией. Однако то, что «органы» использовали его как подсадную утку, не вызывает у меня сомнений. На <http://www.lokshin.org> помещены отрывки из воспоминаний Ольги Адамовой-Слиозберг и Наума Коржавина – из их текстов все это очевидно.

Вольпин позволял себе в годы террора, например, такое:

<<Ну, например, у него [Вольпина] была теория гипноза. Он сказал, что он вдруг ощутил в себе силы гипнотизировать. Ну ладно, ощутил – ощутил. Посмотрим, что же он будет делать-то? «А вот, – сказал он, – сейчас я вам это продемонстрирую.» Я не помню, при мне это было или уже после моего ареста. Подошли к столовой. «Вот, – говорит, – сидят там люди, я сейчас сделаю так, что они встанут и уйдут». Он подошел к столу – сидели там два какие-то мужика, чай пили. Я думаю, что он хитрый – бессознательно выбрал именно мужиков, которые допивали чай. А может быть, им повезло, он подошел к ним случайно. Он подошел и сказал: «СМЕРТЬ БАНДИТУ СТАЛИНУ И ФАШИСТСКОМУ ПОЛИТБЮРО». Мы этого не знали, мы видели другое: он подошел, что-то сказал, они встали и ушли [Караганда, 1951 год]>>.

(См. Айхенвальд Ю. Последние страницы. – М.: РГГУ, 2003, с. 289)

А вот исторический фон, на котором все это происходило:

<<В декабре 1949 года [5 управление МГБ СССР] было реорганизовано в агентурно-розыскное подразделение, наследовавшее функции ранее существовавшего в НКВД секретно-политического отдела. 5 управление имело глубоко законспирированную сеть из почти 11 миллионов [!] тайных общественных агентов-информаторов.>>

(См. «Государственный антисемитизм в СССР: 1938–1953. Документы»/ Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: «Материк», 2005, с. 386)

4. Наконец, самое главное. Истину можно установить, не дожидаясь открытия архивов. Для ее установления ДОСТАТОЧНО тех свидетельств, которые приведены в моей «Мышеловке» (Заметки по еврейской истории, 2007, № 13), а также свидетельств Артура Штильмана (Еврейская старина, 2006, № 7), Ольги Адамовой-Слиозберг, Наума Коржавина.

P.S. Я предложил М. Лидскому извиниться, но чувствую, что допустил досадную ошибку. Ведь свойственникам Веры Трэйл и господина «Лекал», видимо, не свойственно извиняться.

Москва, 26 апреля 2008

P.P.S. Сегодня, 1 сентября 2008 года, я дозвонился в Мемориал и узнал, что А.С. Есенин-Вольпин, слава Богу, жив.

6. В МУЗЫКЕ ВСЕ СЛЫШНО

(добавление к переписке с М. Лидским)

Недавно прочел интервью, данное Михалом Лидским Ревекке Фрумкиной (ноябрь 2008 г.):

<http://ulitsa.ogi.ru/analytics/2008/11/20/lids.html>

Цитирую слова М. Лидского:

<<Композитор Александр Лазаревич Локшин (1920–1987) – фигура значительная: его называла гением Юдина, его ценили Гилельс, Шостакович, его музыку играла Гринберг, дирижировали Мравинский и Баршай... Но судьба Локшина сложилась драматично: советские власти его «зажимали», а математик А.С. Есенин-Вольпин и преподавательница английского языка В.И. Прохорова, моя свойственница, обвинили Локшина в том, что его доносы стали в конце 40-х годов причиной их арестов. Прямых неопровержимых доказательств нет, но есть серьезные косвенные, да и не шутят такими вещами... [Не могу не согласиться. Если неопровержимых доказательств нет, то не шутят такими вещами. – А.Л.]

Сын композитора уже после его кончины бросился за отца в бой, к чему нельзя не отнестись сочувственно, хотя меня, признаться, доводы Локшина-младшего не убеждают. ВПРОЧЕМ, РЯД МОИХ ЗНАКОМЫХ, ЛИЧНО ЗНАВШИХ ЛОКШИНА-СТАРШЕГО, УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ ТАКОЕ ОБВИНЕНИЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЕРНО В ПРИНЦИПЕ [выделено мной – А.Л.]. Как бы там ни было, я считаю, что к музыке Локшина это не должно иметь отношения [подчеркнуто мной – А.Л.] – тем более теперь, когда его нет в живых. Мало ли у кого какая репутация – у Вагнера, например; о Шостаковиче всякое приходится читать/слышать, о Чайковском, в конце концов...>>

Замечу, что *убедить* М. Лидского я и не пытался. Он, как свойственник Прохоровой, – лицо заинтересованное. Впрочем, слова, выделенные мной, можно считать неким подобием извинения.

Вообще, для того, чтобы извиниться в полный голос, как это сделал Виктор Ванслов (см. гл. V), нужно иметь мужество.

Я оставил бы приведенный выше пассаж Лидского без внимания, если бы не подчеркнутые мной слова о музыке.

Дело в том, что в музыке перечисленных Лидским композиторов – Локшина, Шостаковича, Вагнера, Чайковского – все слышно. Именно об этом писала Апраксина в своем эссе «По ту сторону Реквиема», но осталась, по-видимому, непонятой.

7. ПИСЬМО К ЕЛЕНЕ БОННЭР И ЕЕ ОТВЕТ

Ниже я привожу свое письмо к Е.Г. Боннэр и ее ответ.

«Глубокоуважаемая Елена Георгиевна!

До меня дошел слух, что когда-то Вы прочли 1-е издание моего «Гения зла» (М., 2001) – книжки, в которой я защищаю своего отца, композитора А.Л. Локшина, от обвинений в доносительстве. Книжка эта была достаточно наивной. С тех пор я опубликовал (в частности, на портале Евгения Берковича) серию заметок, которых ДОСТАТОЧНО ДЛЯ БЕЗОГОВОРЧНОГО ОЧИЩЕНИЯ ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА ОТ ПОДОЗРЕНИЙ. Самая важная заметка – это «Мышеловка»

<http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer13/ALokshin1.htm>

однако тексты на форуме тоже существенны:

<http://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?f=7&t=319>

<http://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?f=7&t=63>

<http://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?f=7&t=50>

Тем не менее, невзирая на мои крики и стоны, обращенные к начальству Сахаровского центра, ОЧЕВИДНАЯ КЛЕВЕТА в адрес моего отца, содержащаяся в книге Н. и М. Улановских, по-прежнему размещена на сайте Сахаровского центра:

[http://sakharov-center.ru/asfcd/auth/au ... 5&page=229](http://sakharov-center.ru/asfcd/auth/au...5&page=229)

Не соблюден даже минимум приличий в виде ссылки на мои тексты!

Это поразительно еще и потому, что люди, близкие к основной обвинительнице моего отца, В.И. Прохоровой, уже ФАКТИЧЕСКИ ИЗВИНИЛИСЬ ПЕРЕДО МНОЙ:

<http://musica.4bb.ru/viewtopic.php?id=363>

Прошу Вашей помощи.

С глубоким почтением,
А.А. Локшин, сын композитора
Москва, 5 января 2009

Я получил ответ Елены Георгиевны (8 января 2009); она пишет:

<< С некоторых пор я не имею никакого отношения к музею. <...> так как я не нашла адреса Александра Локишина, [прошу] довести до него, что я просила одного из членов общественной комиссии просить директора музея убрать с сайта материал, о котором Александр Локишин пишет. А если шире – я всегда очень настороженно отношусь ко всяким якобы разоблачающим кого-то материалам. И в большинстве случаев не верю им.

Е.Г.>>

Ответ Е.Г. Боннэр публикуется с ее согласия.

Москва, 2009

НАГИБИН И РИХТЕР ПРОТИВ МОЕГО ОТЦА

1. МЫСЛИМО ЛИ ЭТО?

В 2004 году в издательстве ВЗОИ вышел том сочинений Юрия Нагибина под общим названием «Вечная музыка». На странице 355 этого тома упоминается некий высокоодаренный, но, увы, завербованный «органами» композитор, который посадил Веру Прохорову (и не только ее). А затем следует предупреждение:

«Мне не хочется называть имени этого человека; его уже нет в живых. Он нес наказание в себе самом. Но сейчас находятся люди, которым хочется во что бы то ни стало его реабилитировать, причем самым недопустимым способом: клеветой на тех, кто был его жертвой. Лучше бы им помолчать. Пусть искупает свою вину музыкой, которая так долго была под запретом, а сейчас начала звучать. Иначе – я повторяю предупреждение Пушкина: «Но если...»» (То, что в нагибинском тексте имя моего отца не названо, не меняет сути дела: еще в декабре 2002 года в передаче по 1-му каналу Российского государственного телевидения (!) Вера Прохорова назвала это имя.)

Интересно, конечно, как такое могло случиться, что музыка стукача оказалась под запретом. Поражает воображение и то, как Нагибин, умерший в 1994 году, мог предвидеть скандалы, разразившиеся совсем недавно. Вообще, похоже, что классик еще не сказал своего последнего слова...

Но следует ли выбирать Нагибина своим путеводителем по прошлому?

Вот что пишет по этому поводу А.И. Солженицын в своей статье «Двоенье Юрия Нагибина» (Новый мир, 2003, №4, с.16):

«Вторая женитьба решительно повернула ход жизни Нагибина во время войны <...> он взят в ЦК комсомола, в тайный штаб (хотя в юности «я сумел избежать комсомола»). Там во множестве писал какие-то секретные отчеты *наверх* и воззвания к оккупиро-

ванному населению – «о чем была эта писанина, убей бог не помню» – мыслимо ли такое? <...> Но дальше еще невероятнее – вскоре же наш герой взят *без проверки* (!) в отдел контрпропаганды Главного Политуправления Красной Армии – «у меня даже не спросили документов»(?)»

Приведу еще один не менее красноречивый отрывок из солженицынской статьи:

«Тут [т.е. в «Дневнике» Нагибина – А.Л.] и прямо о кино: «Я делаю в кино вещи, которые работают на наш строй, а их портят, терзают, лишают смысла и положительной силы воздействия. И никто не хочет заступиться»; и даже вот его «вычеркнули из едущих на летнюю Олимпиаду... А ведь я объездил двадцать пять стран... и вел себя безукоризненно во всех поездках», я «заслужил у властей.» *Безукоризненно вел, положительное воздействие!* – все по меркам ЧК и ЦК – какой автопортрет преуспевшего советского писателя-хряка и сколько сотен их он объясняет!»

В заключение – совершенно невероятная (по силе воздействия на читателя) сцена из «Вечной музыки» Нагибина (с. 348–352):

«Зато вскоре там [т.е. в комнате, *освободившейся* [1] после ареста родственников Прохоровой. – А.Л.] появился новый жилец [Святослав Рихтер. – А.Л.] <...>. Из трех смежных комнат было создано пространство, вместившее целую толпу гостей, которым не было тесно. Тут разместился бар со столиками, эстрада – крышка Славиного прокатного рояля <...>, а на крышке поочередно появлялись две певицы-студийки, исполнявшие лихие куплеты под Славин аккомпанемент. Когда одна из них по ходу дела приподняла юбку над стройными ногами, посетители кабачка дружно закричали: «Выше! Выше!»

Почему-то вспоминается «Мастер и Маргарита», не правда ли?

[1] Терминология В.И. Прохоровой. См. ее статью «Он был всецело в жизни...»/ Вспоминая Святослава Рихтера. – М.: Константа, 2000, с. 47.

январь 2005 – октябрь 2006

2. НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

О противостоянии Рихтер – Локшин писала Татьяна Апраксина в своем эссе «По ту сторону Реквиема»; отрывок из этого эссе помещен на <http://www.lokshin.org>. Впрочем, Апраксина не называет имен. Я же хочу, по возможности, расставить точки над i.

После того как в 2000-ом году книга «Вспоминая Святослава Рихтера» вышла из печати, меня спрашивали: «Отчего Святослав Теофилович так скверно относился к вашему отцу?»

Похоже, что сейчас я могу дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но вначале процитирую статью М.Г. Нейгауз из упомянутого сборника «Вспоминая Святослава Рихтера» (с. 34):

<< В августе 1950 года Веру [Прохорову] арестовали. Слава [Рихтер] предупреждал Веру, что ее близкий друг – опасный человек, может на нее донести. Она не верила и говорила с этим человеком обо всем с полной откровенностью. В тюрьме Вера убедилась, что Слава был прав. Вернувшись через шесть лет в Москву, она спросила Славу, откуда он знал, что этот человек – доносчик. Слава ответил, что он ничего не знал, но ему так казалось.>>

Нет ни малейшего сомнения в том, что квартира Прохоровой тщательно прослушивалась и с помощью этой прослушки органы сумели внушить Прохоровой то, в чем она «убедилась» (см. мою статью «Мышеловка»).

Мог ли Рихтер не понимать специфики квартиры Прохоровой?

Рихтер, который жил в этой квартире с 1942 по 1946 год (а потом там регулярно бывал).

Рихтер, который знал, что за ним велось наружное наблюдение не только во время войны, но и после.

Рихтер, у которого отец был расстрелян НКВД в 1941-ом.

Рихтер, у которого мать ушла на Запад с немцами в 1944-ом.

Рихтер, которого уже в 1950-ом выпустили с гастрольями по странам соцлагеря.

Рихтер, который играл на похоронах Сталина.

Рихтер, которого в 1960-ом выпустили с гастрольями на Запад [1].

Но если Рихтер хотя бы догадывался о том, что в прохоровской квартире просвечиваются вдоль и поперек приходящие туда

посетители, то КАК ТОГДА ПОНИМАТЬ ЕГО «СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ» («ОН ТЕБЯ ПОСАДИТ»)?

Для ответа на этот мучительный вопрос имеет смысл прочесть статью Артура Штильмана о Борисе Гольдштейне (Еврейская старина, 2006, №7), где сказано, в частности, следующее:

<<Где-то в 1976 году, бывшая соученица артиста ещё по классу Столярского, скрипачка Большого Театра М. Стыс волею судеб попала как-то в «салон» Нины Львовны Дорлиак (жены пианиста С.Т. Рихтера). По словам Стыс, среди многих тем текущего момента вдруг возник разговор о Гольдштейне. Неожиданно Нина Львовна сказала: «Пока мы (то есть, надо понимать, её муж Рихтер – А.Ш.) ездим в Германию, Буся Гольдштейн там карьеры не сделает...» Естественно, вскоре её слова стали известны очень многим, да и, наверное, были адресованы многим потенциальным эмигрантам, подумывающим о переезде на Запад.

Можно верить и не верить в совпадения, но факт остаётся фактом – вскоре после этого импресарио Гольдштейна, очень успешно начавшего свои выступления в Европе, встречая повсюду большой интерес публики и полные залы, направил артисту письмо с уведомлением о невозможности продолжать с ним контракт «по причинам общеэкономическим, вызывающим необходимость сокращения работы и обязательствам по отношению к своим «старым» клиентам, которых не может бросить из-за многолетнего сотрудничества». И это при неподдельном интересе к искусству Гольдштейна, полным залам и восторженным рецензиям?! За всем этим, несомненно, стояло давление извне. Примерно такая же история произошла с моим другом певцом Мишей Райцином и примерно в то же время, но в Америке.

Понятно, что этот эпизод не повлиял на дальнейшее развитие концертной работы замечательного артиста, но история эта совершенно ясно показала, что в Москве о нём не забыли...<...>

<...> Я [т.е. А. Штильман] рассказал ему [Борису Гольдштейну] историю со зловещим предсказанием Н.Л. Дорлиак. Мне показалось, что он об этом знал. «Ну что вы хотите? Они ведь подневольные люди», – ответил он спокойно. >>

Не будь свидетельства Артура Штильмана, «сбывшееся предсказание» Рихтера можно было бы интерпретировать по-

разному. Например, как всего лишь проявление минутной обиды на моего отца, выразившееся в словах, адресованных Прохоровой: «Он тебя посадит». (Мой отец бывал иногда несправедлив и резок. Когда-то он высказался примерно в таком духе: *у Рихтера рояль звучит как разбитое корыто.*)

Однако свидетельство А. Штильмана и моя «Мышеловка», взятые вместе, в сущности, превращают «сбывшееся предсказание» в неприятнейший вопрос, обращенный к самому Рихтеру.

[1] Все перечисленные факты взяты мной из упомянутого выше сборника «Вспоминая Святослава Рихтера» и книги Б. Монсенжона «Рихтер. Дневники. Диалоги» (М.: Классика-XXI, 2007).

3. ГОРЕЧЬ ЛЮСТРАЦИИ

6 июня 2006 года Ирина Корсунская, прочитав моего «Гения зла» и, в частности, письмо И.Л. Кушнеровой от 28.07.2003, высказалась [в интервью Елене Шварц] о причинах ареста своей родственницы [пианистки, ученицы Г.Г. Нейгауза] Веры Максимовой-Лимчер, обвинив в этом аресте моего отца. Интервью Ирины Корсунской помещено на сайте IGRUNOV.RU.

Вот мой ответ.

Достаточно сопоставить две даты:

1944 год, арест Веры Максимовой по обвинению в заговоре против Берии и в террористическом акте [см. текст И. Корсунской];

1948 год, продолжение учебы в Консерватории (напомню – при живом Берии) [см. упомянутое письмо И.Л. Кушнеровой], чтобы понять – в судьбу Веры Максимовой вмешались ВЫСШИЕ СИЛЫ, которые редко делают что-нибудь задаром.

Я считаю, что трагический выбор [т.е. самоубийство] Веры Максимовой-Лимчер – это отрицание того, что ее заставили говорить о моем отце.

*А.А. Локишин, сын композитора
январь 2007*

Этот текст, за исключением слов в квадратных скобках, был послан в январе 2007 года Елене Шварц, но никакой реакции не последовало. Поэтому я сейчас выскажусь подробнее.

В интервью Корсунской есть такие слова: «Во-первых, он [т.е. мой отец] распространил про Веруську слух, что она стучит – это излюбленная тактика».

На это я отвечу следующим образом. Если двое обвиняют друг друга в стукачестве, то, видимо, один из них совершает мужественный поступок, а другой распространяет клевету. Вопрос только в том, кто есть кто. Соображение насчет «излюбленной тактики» я могу вернуть Корсунской обратно, им можно затем перебрасываться сколько угодно.

Как я полагаю, в противостоянии такого рода положение человека, не имеющего отношения к «органам», осложняется тем, что его запугивают (и ему приходится быстро замолчать), а «органы» распускают о нем слухи по своим каналам, придавая клевете видимость объективности.

Поэтому, расследуя взаимные обвинения такого рода, нужно обращать внимание только на детали, которые не могли быть сфальсифицированы. В данном случае – это упомянутые выше даты: 1944 год – арест по обвинению в акте террора и 1948 год – продолжение учебы в Консерватории.

Как известно, в те годы меньше пяти лет за «политику» не давали (а за террор давали значительно больше). И досрочное освобождение ПРИ ТАКОМ ПРИГОВОРЕ, как я полагаю, могло произойти либо по личному распоряжению Сталина, либо по согласованию с «органами». В случае Максимовой первая из двух возможностей, на мой взгляд, отпадает. Для сравнения добавлю, что досрочное освобождение Генриха Нейгауза в 1942 году (после девяти месяцев отсидки в одиночной камере) вдова его ученика Анатолия Ведерникова назвала в своих воспоминаниях «почти немислимым» по тем временам. Но за Нейгауза хлопотали знаменитые музыканты, известные ученые...

* * *

Но это не все.

Из текста интервью Корсунской я узнал, что Вера Максимова работала переводчицей с немецкого в лагере для военнопленных. Можно ли себе представить, чтобы такая работа (выпытывание всяческих немецких секретов) не была сопряжена со службой в НКВД? Приведу цитату из книги Ирмы Кудровой «Путь комет», т. 3 (СПб: Изд-во «Крига», 2007, с. 222):

«В сегодняшней Елабуге мне удалось найти женщину, которая <...> была переводчицей с немецкого в лагере для военнопленных. Лагерь возник в начале 1942 года, и осенью сорок первого к его открытию уже наверняка готовились, набирали штат. <...> Тамару Михайловну Гребенщикову, с которой я беседовала, направили на эту работу специальным распоряжением НКВД Татарии».

* * *

В заключение отмечу, что арест собственных агентов «в оперативных целях» практиковался в НКВД еще в тридцатые годы. (См. Штильмарк Р. «Падшие ангелы». – Душанбе, 1992, с. 210.) Приведу также еще одну любопытную цитату:

**<<ДИРЕКТИВА НКГБ СССР О РАЗВЕРТЫВАНИИ
АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

1 июля 1941 г. Совершенно секретно

<...> 6. В качестве одного из методов зашифровки агентуры, оставляемой на занятой врагом территории, практиковать фиктивные аресты и заключение в тюрьму якобы за антигосударственные преступления отдельных влиятельных агентов, осведомителей. <...>

Народный комиссар
Госбезопасности СССР
комиссар госбезопасности
3-го ранга В.Меркулов

ЦА ФСБ РФ, ф.12 ос, оп.3, д.4, л.288–294.

Подлинник.>> (См. «Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ». – М.: «Звонница», 2002, с.39–42)

В качестве приложения приведу упомянутое выше письмо И.Л. Кушнеровой:

И. Л. Кушнерова – А. А. Локшину
28.07.2003

Дорогой Саша!

Узнала от Вас о новых обвинениях в адрес Вашего отца.

Вот, что я помню о Вере Максимовой. Однажды Александр Лазаревич рассказал мне, что у него была подруга, студентка консерватории, пианистка Вера Максимова. Она хорошо знала немецкий язык и, кажется, работала переводчицей. Дружба продолжалась совсем недолго, так как Вера внезапно исчезла. А.Л. пошел к ней домой и ему сказали, что Вера арестована. В начале 1947 или в начале 1948 года (во всяком случае, до операции, которую он перенес летом [1948 года]) в консерватории опять появилась Вера и, узнав об этом, А. Л. пошел к ней. Дома он ее не застал, но ему подтвердили, что она вернулась. Вскоре он слег в больницу с обострением язвы желудка. Я поехала его навестить, и он рассказал мне, что только что к нему приходила Вера и что она очень изменилась, так что он не сразу ее узнал. Как он мне рассказывал: «В палату вошла незнакомая женщина, которая бросилась ко мне с объятиями». Ему понадобилось время, пока он сообразил, в чем дело.

Вера сразу восстановилась в Консерватории под фамилией Лимчер. Значит, она уже была замужем.

Я в то время ходила в класс симфонического дирижирования к проф. Н.П. Аносову (отцу Г.Н. Рождественского). Тогда же к нему на стажировку приехал дирижер из Болгарии Веселин Павлов. В классе Аносова были только мужчины, аспиранты и студенты, и я была единственной особой женского пола. Поэтому я хорошо помню, как в классе появилась еще одна женщина. Это была Вера Лимчер-Максимова. Занятия происходили таким образом: все приходило утром, по очереди дирижировали, а остальные сидели, внимательно смотрели и обсуждали урок.

Вера вела себя очень странно. Она старалась сесть рядом с Веселином, открывала книжку и читала. Она НИ РАЗУ не дирижировала, но каждую неделю приходила исправно на занятия и читала, не глядя на тех, кто дирижировал. Однажды из любопытства я села поближе к ней и заглянула в книгу. Она была на немецком языке. Потом она перестала ходить на занятия.

В 1949 г. я окончила консерваторию и больше Веру никогда не видела. А вскоре я узнала, что Вера покончила жизнь самоубийством.

Ваша Инна Львовна

4. О ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Выше я уже писал о том, что, по моему мнению, в лагерях для немецких военнопленных штатная работа переводчика была сопряжена со службой в НКВД, при этом я опирался на свидетельство, приведенное в книге Ирмы Кудровой «Путь комет», т. 3 (СПб.: Крига, 2007, с. 222).

Недавно мне удалось раздобыть книгу В.А. Всеволодова [1], где на с. 221–222 я обнаружил штатное расписание Можайского лагерного отделения лагеря для военнопленных №27 по состоянию на 1 мая 1944 года.

В ШТАТЕ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК, ПРИЧЕМ ВХОДЯЩИЙ В СОСТАВ ОПЕРГРУППЫ, Т.Е. ЯВЛЯЮЩИЙСЯ СОТРУДНИКОМ НКВД.

Надеюсь, что Вячеслав Игрунов, предоставивший на своем сайте слово обвинительнице моего отца Ирине Корсунской, даст там же ссылку и на этот текст.

Для полноты картины приведу еще цитату из книги В.А. Всеволодова, характеризующую будни лагеря для военнопленных.

<В своей работе сотрудники оперотдела лагеря №27 использовали традиционный набор методов, применяемый НКВД с момента образования этой организации: разрушение групповой солидарности, изоляция оппозиционных сил, дискриминация, тер-

рор, стукачество и специальные психологические приемы.>> (См. [1], с. 135)

[1] Всеволодов В.А. Срок хранения – постоянно. Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР №27 (1942–1950 гг.). – М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 2003.

5. ВОСПОМИНАНИЕ

(разговор с О.Ю. Ведерниковой)

Когда-то, еще не имея в руках никакого фактического материала, я пытался защищать своего отца, исходя из общих соображений...

Один из таких разговоров – с Ольгой Юльевной Ведерниковой (близкой подругой пианистки Веры Максимовой-Лимчер) мне хорошо запомнился.

В то время (конец девяностых) Ольга Юльевна занимала благожелательную позицию по отношению к моему отцу (и я в страшном сне не мог бы предположить, что спустя всего несколько лет она открыто выступит против моего отца, обвинив его в аресте Веры Максимовой).

Вот, что писала О.Ю. Ведерникова в 1998 году (см. [1]):

<<Прошло много лет, когда я, наконец, услышала Локишина – композитора. Я не очень удивилась, услышав его 7-ю симфонию, что-то близкое этому я себе представляла, но я не могла представить себе масштаб, глубину, мастерство, звучание оркестра, использование голоса в своем творчестве, а главное – таинственность его музыки и красоту. Дальнейшее знакомство с его сочинениями несколько не изменило моего впечатления о его музыке, а наоборот, укрепило мое мнение в том, что Александр Локишин – крупнейший композитор середины XX века, и то, что он сравнительно мало известен широким кругам слушателей, вина не композитора, а вина «широкого слушателя», который очень медленно развивается, не поспевая за неумолимо движущимся временем.>>

Разговор же наш с Ольгой Юльевной был такой. Я сказал, что музыкой моего отца восхищались Шостакович и Юдина, и что гений и злодейство, как говорят, несовместны.

– А как же Вагнер, Чайковский? – возразила она.

Я растерялся. Сейчас-то я понимаю, что оба ее примера никуда не годятся.

– Вы не понимаете, – продолжала эта милая и обаятельная дама, – ПРОСТО У МУЗЫКАНТА ДУША ПОЕТ!

Так и окончился наш замечательный разговор. Смысл его был, таким образом, следующий. Одной рукой можно писать доносы, а другой – создавать прекрасные произведения искусства.

Мне захотелось вспомнить об этом разговоре именно сейчас, когда история с Максимовой, как я полагаю, прояснилась.

Москва, 2008

[1] Ведерникова О.Ю. Воспоминания об А.Л. Локшине / В сб. «О композиторе Александре Локшине». – М.: Диалог–МГУ, 1998, с. 40.

6. НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

ОТБЛАГОДАРИТЬ УЧИТЕЛЯ

Недавно в Википедии я обнаружил ссылку на книгу Вансло-ва «О музыке в балете» (М., 2007), где имеется следующий выдающийся текст:

<<В «Российской музыкальной газете» № 4 за 2002 год опубликованы потрясающие материалы о доносах композитора А. Локишина, по которым были посажены люди [Прохорова В. Трагедия предательства // Российская музыкальная газета. № 4, 2002. С. 7.] Он был моим учителем в консерватории по инструментовке и по чтению партитур, и я его хорошо знал. Он был прекрасным педагогом, о чем я написал в книге «Постижение искусства» (2005, с. 114–116), но [?!] очень резко, радикально анти-советски настроенным человеком. ВИДИМО [выделено мной – А.Л.], госбезопасность его на этом и заарканила: «не будешь доносить на других – сядешь сам, на тебя есть более чем доста-

точно материалов». И, спасая себя, [тут Ванслов явно забывает поставить еще одно «видимо»] он согласился. ВООБРАЖАЮ [выделено мной – А.Л.], какой ад был в его душе, когда по его доносам [?!] сажали его товарищей, думавших, как он сам, но ставших жертвами его предательства [?!] .>>

И все это появилось в Интернете после моей *Мышеловки* и других текстов, помещенных на портале Евгения Берковича, в частности – письма Е.Г. Боннэр.

Удивительно также, что Ванслов не читал моего ответа Прохоровой, опубликованного в 2002 году все в той же Российской музыкальной газете , №7/8. Мне бы хотелось, чтобы поступок Ванслова запомнили!

Москва, 12. 11. 2009

7. ТРУДНОСТИ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ

Как и большинство моих статей в защиту отца, эта заметка состоит, в основном, из цитат, которые я хочу столкнуть между собой. Впрочем, некоторые пассажи настолько хороши, что их и сталкивать ни с чем не надо. Все шрифтовые выделения сделаны мной.

Цитата 1

(из книги В. Ванслова «Об отражении действительности в музыке». – М.: Музгиз, 1953)

<<Отказ от законов музыкального языка, изобретение СУБЪЕКТИВИСТСКИХ звуковых «систем» обрекает музыку на ДЕГРАДАЦИЮ, что всегда [!] бывает обусловлено влиянием РЕАКЦИОННЫХ КЛАССОВ. Так случилось с музыкальным языком модернистов ... Например, так называемая «атональная 12-полутоновая система» ОДНОГО ИЗ ГЛАВАРЕЙ МОДЕРНИЗМА А. ШЕНБЕРГА представляет собою ... разрушение музыкального языка, его отрицание и ликвидацию. (с. 108)

...замена пения НЕВРОПАТИЧЕСКОЙ декламацией под ТАКУЮ ЖЕ музыку («Антигона» Шенберга)...(с.118)

Композитор, использующий звукоподражание, всегда должен помнить слова А.Н. Серова, ПРИВЕДЕННЫЕ А.А. ЖДАНЫНЫМ НА СОВЕЩАНИИ ДЕЯТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ В ЦК ВКП(б), о том, что звуки природы входят в музыку «не иначе как в виде исключения». ... Моменты звукоподражания лишь тогда носят реалистический характер, когда они подчинены воплощению в музыке ПЕРЕДОВОГО ИДЕЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ....

ШОСТАКОВИЧ, В ПЕРИОД СВОИХ ФОРМАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ отдавший дань натуралистическому звукоподражанию, теперь в «Песне о лесах» дважды очень тонко воспользовался приемом звукоподражания при создании реалистических музыкальных образов. (с. 120)

АНТИНАРОДНАЯ музыка модернизма теряет всякую связь с музыкой быта. Иногда она связана с возрождением старинных полифонических жанров, воспринимаемых как совершенно абстрактные, ВНЕ ЖИЗНИ СТОЯЩИЕ ЖАНРЫ (Хиндемит). Иногда она УРОДЛИВО ИСКАЖАЕТ, окарикатуривает бытовые жанры, отождествляя бытовое с БАНАЛЬНЫМ И ПОШЛЫМ (Малер). (с. 126)

...квартет [Г. Попова] оказался ИДЕЙНО НЕПОЛНОЦЕННЫМ. (с. 91)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ПАРТИИ ОТ 10 ФЕВРАЛЯ 1948 ГОДА, определившее пути подъема и расцвета советской музыки, со всей непреложностью выдвинуло ... (с. 3)>>

На этом первую цитату заканчиваю, хотя хочется продолжать, очень уж хороша лексика:

«БРЕДОВЫЕ РАССУЖДЕНИЯ», «ИЗВРАЩЕННАЯ ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА», «БУРЖУАЗНЫЙ ЭСТЕТ И МРАКОБЕС», «РАСЦВЕЛО МАХРОВЫМ ЦВЕТОМ», «ЗВЕРИНЫЙ СТРАХ» (с.18–19). Ну, а кроме того, от Ванслова досталось еще Дебюсси, Равелю, Стравинскому...[1]

А ведь мой отец учил его совсем не этому.

Цитата 2

(из книги В.Ванслова «Постижение искусства». – М.: Знание, 2005).

<<Именно Локшин [в период примерно с 1944 по 1948 – А.Л.], а не преподаватели истории музыки, раскрыл для меня

творчество Брамса, Малера и Шостаковича, разъяснил образный смысл и душу произведений этих композиторов. Он их хорошо знал, высоко ценил и сумел заразить этим меня.

Я играл у него по партитуре, помимо других сочинений, медленную часть Четвертой симфонии Брамса, первую часть Девятой симфонии Малера, первую часть Шестой и третью и четвертую части Восьмой симфонии Шостаковича (в четвертой части оstinatный бас играл он, то есть мы играли в четыре руки). Это послужило поводом для его очень содержательных рассказов о творчестве этих композиторов, произведших на меня неотразимое впечатление. ...

Локшин же раскрыл мне трагедийность музыки Шостаковича.

Локшин первый объяснил мне, почему в катастрофичном XX веке нельзя уже сочинять благодушные красивые мелодии в духе Гуно и Сен-Санса и по-своему обосновал современный музыкальный язык Прокофьева и Шостаковича. Все это имело в моем духовном развитии очень большое значение

После позорного и преступного Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года о музыке, как и многих других хороших педагогов, А.Л.Локшина выгнали из консерватории за «формализм». >>

Москва, 2009

[1] И вот, имея за плечами такой багаж, Ванслов зачем-то подхватил сплетню о моем отце. Сказалась, наверное, привычка обличать.

8. ПИСЬМО В.В. ВАНСЛОВА

С ИЗВИНЕНИЯМИ

<< *Уважаемый Александр Александрович!*

Вы знаете, как высоко я ценю и чту Вашего отца, Александра Лазаревича Локшина за то, что я получил от него во время обучения в консерватории, развернуто написав об этом в своей

книге «Постижение искусства». Моя благодарность ему за это остается неизменной.

Но когда я прочитал статью В. Прохоровой в газете «Музыкальное обозрение» [на самом деле статья Прохоровой была напечатана в Российской музыкальной газете. – А.Л.], она потрясла меня. И я, опрометчиво поверив ей, сослался на нее в главе о трагедийности творчества Шостаковича в новой своей книге и сделал предположения, которые я, не имея никаких других оснований, кроме статьи В.Прохоровой, конечно же, не должен был делать.

Сознаю, что я необоснованно набросил тень на облик Вашего отца, глубоко сожалею и раскаиваюсь в этом. Мне также горько сознавать, что я причинил Вам боль, усомнившись в достоинстве Вашего отца.

Сейчас, когда я вспоминаю о нем, он остается в моей памяти как незаурядная творческая личность, целиком поглощенная музыкальными и духовными интересами и не способная на какие-либо черные дела.

Простите меня за мой срыв. Я постараюсь в дальнейшем изыскать возможность, чтобы исправить свою ошибку.

С уважением

05.01.10 г.

В. Ванслов>>

СКРЫТАЯ ПРУЖИНА

<<Как-то раз вечером <...> [Шостакович] с Нейгаузом сидели рядом в концерте, где исполнялась не знаю уж какая симфония, скверно дирижируемая Александром Гауком. Склонившись к уху Шостаковича, Нейгауз шепнул: «Дмитрий Дмитриевич, помоему, это ужасно!» Шостакович повернулся к нему со словами: «Вы правы, Генрих Густавович! Великолепно! Дивно!»>>

(См. Монсенжон Б. «Рихтер. Диалоги. Дневники». – М.: Классика-XXI, 2007, с. 100)

Эта заметка – о том, что в высокоразвитом тоталитарном обществе человеческая жизнь построена на необычайных, во многом еще не понятых психологических принципах. Я бы сравнил эту жизнь с существованием глубоководных рыб, способных выдерживать немыслимое давление. Поразительно, что этот феномен в мемуарной (не лагерной) литературе совершенно не исследован. Более того, этот феномен не осознается большинством мыслящих людей. Но отчего же так происходит? Как говорят физиологи, то, что мы видим вокруг себя, в громадной степени есть продукт наших предшествующих представлений. И если этим представлениям систематически мешают формироваться, то мы оказываемся, в сущности, слепы.

Уже после смерти моего отца пианист Анатолий Ведерников как-то раз специально приходил к другу отца М.А. Мееровичу и настойчиво убеждал его в том, что «это Локшин посадил Прохорову». Тут надо сказать, что в сороковые годы Ведерников был дружен с моим отцом и, будучи также близким другом Рихтера, часто бывал в доме их общей приятельницы Веры Прохоровой, арестованной в 1950 году. (Надеюсь, что абсурдность обвинений в адрес моего отца читателю очевидна.)

А вот другой случай. В начале восьмидесятых в нашем доме появился приехавший из Новосибирска музыковед Карпинский, желавший изучать музыку моего отца. До этого он уже успел узнать от Анатолия Ведерникова, который был в Новосибирске на гастролях, что «Прохоров посадил Локшин».

А вот еще случай. В семидесятые годы на мехмате МГУ вместе со мной училась Вера Леонтович, дочь академика М.А. Леон-товича. Спустя много лет она рассказала мне, что у них дома собирался семейный совет: можно ли ей общаться со мной – сыном нелюдя? Позднее я прочел книжку, посвященную памяти Ведерникова, откуда узнал, что он был другом ее брата, физика А.М. Леонтовича.

А еще – насколько я понимаю, ученики Анатолия Ивановича (и, в частности, влиятельный Виктор Суслин) разделяли взгляды своего учителя (со всеми вытекающими отсюда для моего отца последствиями).

Поэтому, я думаю, простителен мой интерес к пианисту Ведерникову. В конце концов, его история – это контекст истории моего отца.

Итак,

Цитата первая

<<Обычно каждый день приходил к нам <..> Толя Ведерников, ученик отца [т.е. Г.Г. Нейгауза], талантливейший музыкант. Он был вундеркиндом в Харбине, концертировал мальчиком в Японии, в 1936 году шестнадцатилетним решил учиться у Нейгауза, приехал с родителями в Москву и поступил в консерваторию. Вскоре [его] родителей арестовали, и Толя остался один. ПАПА СКАЗАЛ ЕМУ, ЧТО ОН МОЖЕТ СЧИТАТЬ НАШ ДОМ СВОИМ ДОМОМ [здесь и далее все выделения в тексте сделаны мной – А.Л.]. С тех пор Толя подружился со всеми обитателями нашей квартиры и стал регулярно бывать у нас.>>

Нейгауз М.Г. «Святослав Рихтер в семье Генриха Густавовича Нейгауза»/ Вспоминая Святослава Рихтера. – М.: Константа, 2000, с. 30.

Цитата вторая

<<НЕЙГАУЗ ПРИНЯЛ ЕГО [т.е. Анатолия Ведерникова] В КЛАСС И ВСЕЙ ДУШОЙ БЫЛ РАСПОЛОЖЕН К НЕМУ. Анатолий сразу почувствовал в Генрихе Густавовиче исключительную личность, человека, который поднимет для него занавес в мир искусства, раскроет ему то, о чем он только подозревал <...>. Генрих Густавович, желая раскрыть своему ученику музыку глубже, часто философствовал на уроках. Он всемерно развивал в нем любовь к другим искусствам – к поэзии, живописи, архитектуре. Проводил аналогии с явлениями природы, особенно много говорил о духовной жизни.>>

Ведерникова О.Ю. «Анатолий Ведерников»/Анатолий Ведерников: Статьи. Воспоминания. – М.: Композитор, 2002, с. 22–23.

Цитата третья

<<Наступил 1940 год. НЕЙГАУЗ РЕШИЛ ПОКАЗАТЬ ПУБЛИКЕ ДВУХ СВОИХ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНИКОВ [Рихтера и Ведерникова]. Они выступили в Большом зале консерватории, сыграв Двойной концерт Баха C-dur. [Затем сыграли] Рихтер – Концерт Шумана, а Ведерников – Концерт Равеля G-dur. Дирижировал Николай Аносов. Концерт прошел с огромным успехом. В газете «Правда» от 27 апреля 1941 года появилась [восторженная] рецензия. >>

Ведерникова О.Ю. «Анатолий Ведерников», с. 25–26.

Цитата четвертая

(из письма Г.Г. Нейгауза – Б.С. Маранц и С.С. Бендицкому. Москва, 11 октября 1941 г.)

<< ТОЛЯ [ВЕДЕРНИКОВ] И СЛАВА [РИХТЕР] ЧУДНО ИГРАЮТ. На молодежь война все-таки не так действует, как на меня, старика. Недавно состоялся мой «доклад» в ВТО о Шимановском, потом играли я, Толя и Слава. Слава играет гениально.>>

Цит. по: Нейгауз Г.Г. Письма. – М.: Дека-ВС, 2009, с. 245.

Цитата пятая

<<Г[енрих] Г[уставович] был арестован 4 ноября 1941 года. <...> Г.Г. был искренним и открытым человеком, высказывал свои мысли многим людям – некоторые из них писали доносы. Когда следователь прочел ему ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОНОСОВ, Г.Г. сказал 3 декабря [1941 года] (в изложении следователя):

«Убедившись в наличии у следствия материалов, я твердо решил дать развернутые показания о своей антисоветской деятельности, которая выражалась в моих антисоветских настроениях и высказываниях» <...>

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 28 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА. 10 ЧАСОВ УТРА. <...>

Вопрос [следователя]: Назовите лиц, при которых вы высказывали свои антисоветские настроения и обстановку, в которой это происходило.

Ответ [Г.Г. Нейгауз перечисляет: Нейгауз М.С., Рихтер С.Т., Ведерников А.И., три сестры Блуменфельд, Яков Зак, Эмиль Гилельс, сослуживцы]. <...>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ 25 МАЯ 1942 ГОДА.

На основе поступивших в НКВД СССР агентурных данных [т.е. данных, полученных от ВНЕДРЕННОГО АГЕНТА] о том, что Нейгауз Г.Г. занимается антисоветской агитацией, высказывает намерение дожидаться прихода немцев и по этой причине отказался от эвакуации из гор. Москвы, Нейгауз 4.11.41 был арестован и привлечен к уголовной ответственности. <...>

Сознался частично. Изобличается агентурными материалами. <...> >>

См. Нейгауз М.Г. «История ареста Генриха Густавовича Нейгауза: воспоминания дочери». – М.: Ньюдиамед, 2000, с. 10, 17–20.

Цитата шестая

<< Девять месяцев просидел Генрих Густавович в одиночной камере <...>. Многие известные музыканты, среди них Э. Гилельс, видные ученые ходатайствуют о его освобождении.хлопоты увенчались успехом, что для того времени было немыслимо. Нейгауза освободили, но обвинения с него не сняты, он должен уехать

в ссылку. Анатолий [Ведерников], узнав, что Генрих Густавович уже дома, сейчас же приехал к нему.>>

Ведерникова О.Ю. «Анатолий Ведерников», с. 28.

Цитата седьмая

<< Г.Г. был выпущен из тюрьмы 19 июля 1942 года. Через три недели Г.Г. был отправлен в ссылку в Свердловскую область. <...> Осенью 1944 года Г.Г. приехал в Москву как член жюри смотра молодых музыкантов. Группа деятелей искусств написала ходатайство о том, чтобы Г.Г. разрешили остаться в Москве [разрешение было получено, Нейгауз вернулся к преподаванию в Московской консерватории – А.Л.] .>>

Нейгауз М.Г. «История ареста ...», с. 21–22.

Цитата восьмая

<< В ноябре 1945 года объявляется всесоюзный конкурс. Рихтер и Ведерников намереваются принять в нем участие. Тогда, сразу после войны, играть было почти некому. Казалось, и конкурентов-то практически нет. Анатолий показывает себя очень хорошо. Каких-то неудач у него вообще не бывало, но ПРОИСХОДИТ НЕЧТО НЕОБЪЯСНИМОЕ. А. ВЕДЕРНИКОВ НЕ ПРОХОДИТ НА 3-Й ТУР И НЕ ПОЛУЧАЕТ ДАЖЕ ДИПЛОМА. Первое место делят между собой С. Рихтер и В. Мержанов, остальные места распределяются среди пианистов, теперь уже давно не играющих или ныне никому не известных. ТРУДНО СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ, КАК МОГЛО ЖЮРИ С ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИМ Д.Д. ШОСТАКОВИЧЕМ, ОТЛИЧНО ЗНАВШИМ ВЕДЕРНИКОВА КАК ТАЛАНТЛИВОГО, БЛЕСТЯЩЕГО ПИАНИСТА, ПОСТУПИТЬ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ – ТАК ПРЕДАТЕЛЬСКИ ПОГУБИТЬ ЕГО.>>

Ведерникова О.Ю. «Анатолий Ведерников», с. 30–31.

Эти яростные строки, очевидно, представляют собой обвинение, адресованное Ольгой Юльевной прежде всего персонально Шостаковичу. Вполне возможно, однако, что ее гнев был направ-

лен по неверному адресу. Что касается реакции Нейгауза на несправедливость жюри, то некоторое суждение об этой реакции можно вынести на основании его письма своей ученице и близкому другу, педагогу Свердловской консерватории:

Цитата девятая

(из письма Г.Г. Нейгауза – Б.С. Маранц; конец января 1946 г.)

<<Дорогая Базя! Спасибо за Твои милые письма, в особенности за упоминание об истине. Если тебе попадетсЯ «Советское искусство», почитай там мою статейку о Святославе [Рихтере], здесь всем очень понравилось, но я огорчен [!], что самое лучшее – цитату из Пастернака почему-то упразднили. ЕЩЕ РАЗ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ТЕБЯ С ПОБЕДОЙ ЮРЫ [МУРАВЛЕВА]. *(На Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1945 г. первые премии получили С.Т. Рихтер и В.К. Мержанов, третью – Ю.А. Муравлев. – Прим. составителя собрания писем Г.Г. Нейгауза).* ПРИЯТНО, ЧТО ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ ОБРАТИЛ НА НЕГО ШОСТАКОВИЧ. Твои планы насчет Юры считаю совершенно правильными и поддерживаю. Надо будет только их точно претворить в жизнь. Главная забота должна быть о его здоровье, которое вызывает опасения. [Далее Г.Г. Нейгауз довольно подробно пишет о предстоящих концертах и каникулах, задает своей корреспондентке вопрос об аспирантуре. – А.Л.] Сейчас спешу очень, потому коротко. Масса дел, хлопот, учеников и т.д. и т.д. Как всегда. Жить некогда! СТАСИК ТОЖЕ МЕНЯ РАДУЕТ, НЕ ТОЛЬКО МОИ УЧЕНИКИ [?!] <...>>>

Цит. по: Нейгауз Г.Г. Письма. – М.: Дека-ВС, 2009, с. 283.

О Ведерникове в этом письме – ни слова, что, пожалуй, поразительно.

Вообще, приподнятый, почти эйфорический тон процитированного письма Нейгауза и благодарность, высказанная им в адрес Шостаковича, и то, что «Стасик тоже меня радует, не только мои ученики» – все это странно контрастирует с тяжелейшим поражением его любимого ученика. (По словам одного из очевидцев, присутствовавших на объявлении результатов второго тура в

Большом зале Консерватории, Ведерников был «просто убит».) На мой взгляд, основным содержанием процитированного выше письма является именно КРИЧАЩЕЕ ОТСУТСТВИЕ УПОМИНАНИЯ О ВЕДЕРНИКОВЕ – НИ ОДНОГО СЛОВА СОЧУВСТВИЯ В ЕГО АДРЕС.

Цитата десятая

<<А[натолий] В[едерников]. <...> Я всегда считал, что мне немножечко не везет. Вот был Первый Всесоюзный конкурс, когда Мержанов и Рихтер получили первые премии, я же на третий тур не прошел. НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ.

А[натолий] Ш[елудяков]. Не могли припомнить [арестованных] родителей или что-нибудь такое?

А[натолий] В[едерников]. НЕТ. [Как это можно было узнать?! – А.Л.] Считают, что я там играл удачно, но там надо было дать кому-то из Прибалтики премию или кому-то еще...

А[натолий] Ш[елудяков]. Конкурсы – это всегда политика.

А[натолий] В[едерников]. И я, в общем, выпал. Это случилось на отношении ко мне Москонцерта, потому что они долгое время оставляли меня в «антураже», и если бы не Александр Александрович Холодидин из Министерства культуры СССР, который мне очень помог, я бы, наверное, из этого не выбился.>>

Беседа с А.И. Ведерниковым/ Анатолий Ведерников: Статьи. Воспоминания. – М.: Композитор, 2002, с. 57.

Цитата одиннадцатая

<< Кстати, Нейгауз неприятную написал книгу [о какой книге идет речь, мне так и не удалось выяснить – А.Л.]. Его текстами я был возмущен предельно. <...> В СВОЕЙ КНИГЕ ОН ПРИНИЖАЕТ ТАЛАНТ ВЕЛИКОЛЕПНОГО ПИАНИСТА АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА ВЕДЕРНИКОВА. ТАМ ЖЕСТОЧАЙШАЯ КРИТИКА В ЕГО АДРЕС... Кстати, после войны, которую Нейгауз провел в Свердловске [! – А.Л.], встал вопрос, кто же будет у него ассистентом в Московской консерватории. Он пригласил человека, который вопреки традиции не был концертирующим пианистом. Хорошего теоретика, но не пианиста. А Ведерников попал в кон-

серваторию, только когда я получил здесь кафедру. Все потому, что Ведерников представлял школу исполнительства, отличную от школы Нейгауза.>>

Мержанов В.К. «Музыка – взволнованная речь»/ Интервью газете «Завтра», 1.04.2003.

Цитата двенадцатая и последняя

<< Теперь я могу закончить мой автобиографический эскиз. С начала будущего (1960/61) учебного года я сокращу мою работу в консерватории раза в три-четыре, так как вышел на пенсию. Но связь с моими учениками, которых люблю, не потеряю. Мне хорошо помогают в работе мои три помощника и бывших ученика: «полный» ассистент Л.Н.Наумов и два «полуассистента» (на полставки) – Е.В. Малинин и мой сын С.Г. Нейгауз. До них прекрасно помогала мне безвременно погибшая от рака моя бывшая ученица Татьяна Хлудова.

< ...> И, главное, мне хочется хотя бы в общих чертах записать то, что я продумал, прочувствовал и частично проделал в моей жизни, а также – что жизнь проделала со мной... >>

Нейгауз Г.Г. Размышления, воспоминания, дневники. Избранные статьи. – М.: Классика-XXI, 2000, с. 40.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как известно, Анатолий Ведерников ОТКАЗАЛСЯ ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЙГАУЗЕ (см. цитированную выше книгу о Ведерникове, с. 151). Кто и почему встал на пути пианистической карьеры талантливого Ведерникова, я думаю, не такая уж сложная загадка...

Москва, 2007–2010

P.S. Я говорил (в 2007 году) с В.К. Мержановым по телефону, и он подтвердил мне, что его интервью газете «Завтра» от 01.04.2003 – не первоапрельская шутка. На мой вопрос о том, какую книгу он имел в виду, Виктор Карпович ответил: «Да вот она, стоит у меня на книжной полке». Если бы я был настойчивее в своих расспро-

сах, то, возможно, выяснилось бы, что речь идет не о книге, а о выступлении или о частной беседе. Бывает, что память подводит людей, искажая второстепенные детали.

ФАБРИКА РЕПУТАЦИЙ

Дискредитация моего отца была первоначально задумана НКВД с довольно скромной целью: прикрыть ценного агента. То, что речь идет именно о спецоперации, было ясно, как я полагаю, уже из моей предыдущей книжки «Гений зла» (2005).

Спецоперация прошла чрезвычайно успешно, что неудивительно. Подслушка, психологические приемы – это для одних, угрозы – для других, инструкции – для третьих...

Недавно к дискредитации моего отца приложил руку зав. отделом культуры в «Нью-Йорк Таймс» господин Э. Маркс (это не шутка!). Прочитав постыдные слухи о моем отце, он наотрез отказался упомянуть тот факт, что Елена Боннэр заступилась за Локшина. Как я ни убеждал его, что Е.Г. Боннэр разбирается в этих вещах лучше, чем он, Э. Маркс был непреклонен [1]. Если бы Э. Маркс проделал такое, живя в России, его роль в этой истории была бы вполне однозначна. А так – кто его знает...

Дело приобрело прямо-таки вселенский масштаб из-за музыкального дарования моего отца (Шостакович, Мария Юдина, Рудольф Баршай называли его гением). И вот интерес к музыке отца, а значит – и к его личности, вывел спецоперацию на новый уровень. «Разоблачая» Локшина, люди приличные думали, вероятно, что проявляют гражданское мужество, а люди известного сорта ковали себе диссидентские репутации.

Одним из «разоблачителей» был Святослав Рихтер, о котором в свое время убийственно высказался знаменитый скрипач Борис Гольдштейн [2] (см. гл. IV, «Необычайное предвидение»).

И здесь читатель, возможно, пожмет плечами: «Кто их там разберет? Гольдштейн обвиняет Рихтера, Рихтер – Локшина...»

И это очень важный момент. Он позволяет в эпоху Интернета узнать правду. Статью Артура Штильмана прочло очень много народу. Ею интересовались и на портале Евгения Берковича, и на

музыкальных форумах. И – тишина. Страшно. Потому что – правда.

Был, впрочем, в Интернете на forumklassika.ru один полный горечи отклик (Agasfer, 15.10.2007):

«Большое спасибо за статью [А. Штильмана], я, честно говоря, ничего о Гольдштейне не знал, кроме обычного: «был вундеркиндом, а как зрелый мастер не состоялся». Записей, по теперь понятным причинам, не слышал. Оказывается – очередное вранье и очередное... если не убийство, то очень близко. Уже, казалось бы, мог и привыкнуть к подобным разоблачениям, а все равно тошно».

* * *

Вообще, чтение истории моего отца – к сожалению – требует от читателя повышенного внимания к способу установления истины. Истина не лежит в этой истории на блюдечке. ОДНА ИЗ СТОРОН – ЛЖЕТ.

Замечу, что для меня путеводной звездой в расследовании истории отца была статья В.И. Прохоровой «Трагедия предательства»[3], которую я подробно разбирал в [4]. Я с самого начала не сомневался в том, что ненависть Прохоровой к отцу – совершенно искреннее чувство и что факты, изложенные ею в этой статье (Т.Е. ДО ТОГО, КАК ОНА ПОЗНАКОМИЛАСЬ С МОИМИ БОЛЕЕ ПОЗДНИМИ ВОЗРАЖЕНИЯМИ [4]), нужно рассматривать всерьез, отделять их от досадных недоразумений (которые в ее статье также, к сожалению, имеются) и совершенно отдельно рассматривать выводы, к которым «органы» умело ее подвели.

К недоразумениям, имеющимся в статье Прохоровой, я, из уважения к ее сединам, отношу:

1) никогда не существовавшую «трехкомнатную квартиру Локшина»;

2) неизвестно чей (скорее всего, дамский) почерк с похожими буквами «м» и «ш», приписанный Прохоровой моему отцу.

Я считаю своей громадной удачей то, что не встречался с Прохоровой и не приводил ей своих контрдоводов до ее публикации.

Замечу, что в «Мышеловке» (гл. 1), где собраны наиболее яркие аргументы, я не опирался на одно интереснейшее свидетельство ученицы моего отца Инны Львовны Кушнеровой, так как у меня не было возможности дать независимое подтверждение ее рассказу о событиях 1949–50 гг.

Сейчас такая возможность появилась.

И.Л. Кушнерова писала мне 1 августа 2002 года (полностью письмо приведено в «Гении зла»):

«Вот, что мне запомнилось. Прохорова много и охотно говорила – о своих именитых родственниках и знакомых и о том, кто из них что сказал. В ее речах, произносившихся НА ПУБЛИКЕ, постоянно присутствовали так называемые «антисоветские высказывания», за которые тогда нещадно карали. Мне было страшно все это слушать, и я даже спросила Вашего отца, НЕ МОГУТ ЛИ РЕЧИ ПРОХОРОВОЙ БЫТЬ ПРОВОКАЦИЕЙ, на что он ответил отрицательно». (Здесь и далее все выделения в тексте сделаны мной – А.Л.)

Это, конечно, не фунт изюму – во времена террора вести себя столь раскованно... Наличие у Прохоровой по крайней мере парочки развед-родственников (Вера Гучкова-Трэйл, агент «Лекал», еще, возможно, кто-то...) придает этому стилю неповторимое очарование.

– Но не выдумка ли все это? – может спросить критически настроенный читатель, прочитав выдержку из письма И.Л. Кушнеровой.

Дадим слово Прохоровой [5]:

«Все разговоры с ним [Локиным] <...> были сугубо политическими и крайне интересными. Таких разговоров она [Прохорова] не вела ни с кем. Даже с самыми близкими? НИ С КЕМ».

Ну а теперь – слово биологу и зоопсихологу Ю.А. Лабасу (1933–2008), в книге которого пересказывается в чудовищно распухом виде сплетня о моем отце и которого трудно заподозрить в желании мне помочь [6, с. 266]:

«В нашей квартире [т.е. в посещаемой многими знаменитостями квартире Лабаса – А.Л.] впервые, еще в машинотисы, читали

вслух «Доктор Живаго» (рукопись, полученную от Б.Л. Пастернака, приносил Фальк), в авторском исполнении слушали «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, песни А. Галича и позже – Бачурина. ЕЩЕ ПРИ СТАЛИНЕ В.И. ПРОХОРОВА, ДО ЕЕ АРЕСТА, ПЕРЕ-СКАЗЫВАЛА «1984 год» И «СКОТНЫЙ ДВОР» ДЖ. ОРУЭЛЛА.

Итак, ложь локализована и названа. Причем – ложь фундаментальная. Я позволю себе не называть лжеца, не рассматривать возможных мотивов лжеца, а предоставляю эту возможность читателю. Вообще, ложь необходимо отличать от досадных оплошностей, недоразумений, забывчивости... Не правда ли, все это довольно удивительно и не похоже на плоскую картину тоталитарного (не-лагерного) бытия, излагаемую во множестве мемуаров?

Теперь – об одной особенности кампании против моего отца. То, что отец невиновен, непредвзятому человеку должно было стать ясно уже после прочтения предпоследнего издания моего «Гения зла» (2003). Однако, кампания против отца продолжалась. Со мной не спорили, мои доводы просто не замечали.

Это, конечно, фирменный стиль, о котором писал еще Юлий Марголин [7]:

«Нет такого лозунга, нет такой нелепицы и лжи, которых нельзя было бы путем тысячекратных и многолетних повторений навязать сознанию человека. <...> Не надо убеждать, достаточно повторять».

Откомментировать возникшее в результате многолетней кампании отношение в интеллигентных кругах к моему отцу можно словами самого Лабаса (написанными им, впрочем, по совершенно иному поводу [6, с. 288]):

«В медицине аналог такой патологии известен: организм собственные ткани начинает принимать за чужие и энергично разрушать фагоцитами. Конец обычно летальный...»

В заключение – еще два слова о Лабасе, потрясшем меня своими мемуарами. Вот что еще пишет этот вернейший из друзей Прохоровой:

«Рассказывали, вдова Локишина повстречала в Италии кого-то из его бывших жертв и просила отпустить грехи ее покойному супругу».

Это – полная чушь очевидного ГБшного происхождения. Как, впрочем, и все остальное, написанное – с чужих слов! – Лаба-сом о моем отце и принятое доверчивым зоопсихологом за чистую монету (публикатор – д.б.н. М.Д. Голубовский). Но здесь можно сразу поймать публикатора за руку. Фамилию «бывшей жертвы» на бочку, господин Голубовский!

Москва, 2011

[1] **Lokshin, Alexander to Marks, Edward; 5 April 2010**

Dear Mr Marks,

the fact is that when living outside Russia you really cannot appreciate these things. But I want the only thing to be noted in your newspaper: the fact that Mrs Elena Bonner stood for Lokshin (took the part of Lokshin) in this conflict. You , probably, cannot appreciate her as an extremely clever person, but other people will do that.

A.L.

Marks, Edward to Lokshin, Alexander; 5 April 2010

Dear Mr. Lokshin:

I have great respect for Mrs. Bonner but as I said earlier, there is nothing further we can do.

*Ed Marks
Culture Desk*

[2] Артур Штильман. Судьба виртуоза. – Еврейская старина, № 7 (43), 2006.

[3] Прохорова В.И. Трагедия предательства. – Российская музыкальная газета, № 4, 2002.

[4] Локшин А.А. «Трагедия предательства» как портрет эпохи. – Российская музыкальная газета, № 7/8, 2002. Эта статья перепечатана также в «Гении зла» (2005).

[5] Алла Боссарт. Сын за отца. – Новая газета, 6 марта 2003.

[6] Лабас Ю.А. Когда я был большой. – М.: Новый хронограф, 2008.

[7] Марголин Ю.А. Путешествие в страну зе-ка. – М.: АСТ, 2008.

ВЕРА ИВАНОВНА ЗАБАЛУЖДАЕТСЯ

Только что прочел недавно вышедшую книгу Веры Ивановны Прохоровой – «Четыре друга на фоне столетия» (М., Астрель, 2012). Прохорова упорно продолжает утверждать, что мой отец виновен в ее аресте (с.51–58).

Свои обвинения в адрес моего отца Прохорова подробно сформулировала еще десять лет тому назад в статье «Трагедия предательства» (Российская музыкальная газета, 2002, №4). Сейчас эту газету невозможно достать, она стала библиографической редкостью.

Однако в моем «Гении зла» (2005), доступном в Интернете, содержатся большие цитаты из упомянутой статьи, и читателю будет нетрудно проверить, что обвинения Прохоровой в адрес моего отца, приведенные в ее новой книге, *изменились до неузнаваемости* по сравнению с тем, что написано в «Трагедии предательства». Что обвинения «поплывут», я, признаюсь, ожидал.

Прежде всего, в новой книге Прохоровой от упоминаний о 12 целенаправленных антисоветских разговорах с моим отцом **наедине в прохоровской квартире** (см. ее статью «Трагедия предательства») **не осталось и следа. ТО ЕСТЬ СТЕРЖЕНЬ ПРЕЖНИХ ОБВИНЕНИЙ ИСЧЕЗ!** Это значит, что Прохорова, наконец, **согласилась с тем, что ее квартира прослушивалась**. Интересно, встречаясь с моим отцом в 1949 году, она это тоже понимала? (Как я узнал из книги Прохоровой, она не только знала о существовании своей родственницы разведчицы Веры Трэйл, но и встречалась с ней; см. с. 28–29).

Единственное, за что пытается зацепиться Прохорова – это эпизод с разговором на лестничной площадке про Маленкова (после празднования дня рождения моего отца у него дома 19 сентября 1949 года). Эпизод, который в версии 2002 года представлялся второстепенной, ничего не доказывающей деталью. Но в версии 2012 он **полностью переписан**.

Разговор на лестничной площадке переехал в «кабинет» («кабинетом» была маленькая комната в коммунальной квартире, в этой комнате кроме моего отца жили его мать и сестра), на стене «кабинета» внезапно материализовался портрет Маленкова (этот портрет перед выборами, как я полагаю, должен был висеть на улице), а из «кабинета» в неизвестном направлении вопреки логике были удалены моя бабушка и тетка (иначе не получился бы «разговор наедине»). Логически связанное с этим эпизодом описание разговоров со следователем и очных ставок с М.А. Мееровичем и с моей теткой **полностью переименовано** – *следователь, моя тетка и отчасти Меерович дословно или почти дословно повторяют в версии–2012 разговор про Маленкова (чего не было в версии–2002!)*. А еще откуда-то возникла у моего отца «секретарша»...

(Но и в полностью переименованном виде этот единственный оставшийся эпизод (разговор о Маленкове) по-прежнему непригоден для обвинений моего отца. Дело в том, что упомянутый разговор происходил спустя ровно два месяца после ареста Вольпина. **За моим отцом уже велась охота.** Кстати, ближайшей подругой Вольпина в те годы была дочь (расстрелянного) разведчика, тесно связанного с лабораторией по **установке подслушивающих устройств** в жилых помещениях.

Но даже если забыть о том, что мой отец был мишенью для «органов», разговор в комнате коммунальной квартиры – это не разговор наедине. **Обвинения в адрес моего отца не имеют никаких оснований – это всего-навсего чудовищная пустышка).**

А вот лагерные воспоминания Прохоровой весьма информативны. В бараке она не мерзла («...какие ледяные нары? В лагере очень жарко топили...»), конвоиры ей попадались добрые («...удивительное дело, какими эти ребята оказывались порядочными людьми»), от тяжелой работы освободили...(с. 58–60). См. также интервью, взятое у Прохоровой журналисткой «Русской жизни» Е. Пищиковой [1]:

«... я по своей природе не приспособлена к физической работе, поэтому мне даже не пришлось притворяться».

Это великолепно согласуется с рассказом Вольпина о том, как ему хорошо жилось в психушке, куда он был переведен из

тюрьмы в 1949–1950 гг. (См.: Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. – М.: Изд-во РГГУ, 2003, с. 247. Цитата из книги Айхенвальда приведена также в гл. II.)

И Вольпина, и Прохорову «органам» необходимо было убеждать от гибели. Иначе кто стал бы распространять лубянскую чушь о моем отце по всему свету?

А все-таки, уровень книги Веры Ивановны удивительный. В заключение приведу две цитаты оттуда. Хотя они прямо и не относятся к теме моей заметки, но зато характеризуют книгу в целом:

<<Об Эфроне сегодня говорят и пишут много гадостей, что он, мол, был агентом НКВД и все такое прочее. Я точно знаю, что это неправда.>> («Четыре друга...», с. 29)

Правда, здорово? Прохорова точно знает. И еще:

<<Но его [А.Д. Сахарова] супруга! Это было исчадие ада, просто исчадие! Глаза черные, вращаются вокруг своей оси. Она, видимо, держала Андрея Дмитриевича в ежовых рукавицах.>> (там же, с. 73)

А я-то всегда считал, что такая характеристика Елены Георгиевны исходит из...ну, вы догадались...

[1] Пищикова Е. Суровая нить / Русская жизнь, 28 сентября 2007 г. <http://www.rulife.ru/mode/article/299>

Добавление IV.

О КНИГЕ АНДРЕЯ ГАВРИЛОВА

Только что с большим трудом раздобыл и, наконец, прочел целиком книгу Андрея Гаврилова «Чайник, Фира и Андрей» (Вашингтон: Изд-во Юго-Восток, 2011). Впечатление сильнейшее. Читать эту книгу необходимо. Хочу сделать небольшое замечание, имеющее некоторое косвенное отношение к истории моего отца. Вначале процитирую книгу Гаврилова (глава «Энигма», с. 166–167):

<<С точки зрения официальной идеологии Советского государства – отец Рихтера был врагом народа, а его мать – предательница Родины. А Рихтер – сын расстрелянного врага народа и предательницы – и дальше выступал, как ни в чем не бывало на концертах.

КАК МОГ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК НЕ ТОЛЬКО ВЫЖИТЬ, НО И СДЕЛАТЬСЯ ВЕДУЩИМ ПИАНИСТОМ СТАЛИНСКОГО СССР? На этот вопрос фильм [Монсенжона] не отвечает. Свободный человек? О какой свободе может идти речь? Рихтер был ИХ рабом, верным псом. Иначе – он не прожил бы и года после расстрела отца и предательства матери.>>

В качестве возможного ответа на поставленный им же вопрос Гаврилов приводит слова самого Рихтера: *<<Во время тяжелой депрессии Слава [Рихтер] два раза [!] процедил мне одну и ту же фразу: «Молодая госпожа, как мне говорили, почему-то увлеклась моими концертами, и это, кажется, спасло меня от многих неприятностей». Рихтер имел в виду Светлану Аллилуеву, дочь Сталина, которой в 1941 году было 15 лет. Тем не менее, Светлана уже тогда встречалась с Каплером, который культурно развивал ее, таскал на интересные концерты. Судя по ее поздним воспоминаниям, Сталин ее безумно любил, она поделилась с отцом своим восхищением от игры Рихтера, и Сталин кому-то что-то шепнул. И Рихтер получил невидимую, но самую надежную в СССР защиту.>>*

Неточность второй из приведенных цитат состоит в следующем. Светлана Аллилуева познакомилась с Каплером не в 1941 году, а, по крайней мере, на год позже (см. книгу Аллилуевой «Двадцать писем к другу»):

<<В ту же зиму 1942-43 года я познакомилась с человеком, из-за которого навсегда испортились мои отношения с отцом, – с Алексеем Яковлевичем Каплером.>>[1]

Напомню, что осадное положение было введено в Москве 20 октября 1941 года, а приказ о переселении немцев был издан еще раньше – 8 сентября 1941 года.

Иными словами, тот факт, что Рихтер – фактически, не скрываясь – уцелел в Москве после депортации немцев, по-прежнему ждет своего объяснения.

А вот, что говорит сам Рихтер по сходному поводу в фильме Монсенжона:

<<Вся карьера моя началась с войны. Много ездил: Мурманск, Архангельск, Закавказье – в 1942 году. В Ленинграде я играл впервые 5 января 1944 года. Я приехал туда 31 декабря и был совсем один. Так и встретил один Новый год. Смотрел в окно, повсюду еще были следы разрухи и разрушений. На следующий день после концерта посмотрели мой паспорт и сказали: «Вам надо немедленно уехать». «Немец, немец», а немцы говорят «русский, русский». >> См. <http://www.allabout.ru/a1480.html>

Слова Рихтера, ничего не объясняя, только подчеркивают остроту заданного вопроса.

Москва, август 2012

[1] Впервые Каплер и Светлана Аллилуева встретились в конце октября 1942 года (см. Аллилуева С.И. «Двадцать писем к другу». – М.: Книга, 1991, с. 163).

Добавление V.

«ИНВЕРСИОННЫЙ СЛЕД» ОТ СЕКСОТА

I.

При обсуждении на forumklassika истории моего отца возник вопрос – почему сексот после столкновения не позаботился о немедленном аресте Локшина. Ведь именно так и только так (по мнению одного из моих оппонентов) можно было надежно предотвратить раскрытие сексота в кругу знакомых Локшина. Ну, во-первых, арест для моего отца спустя год после операции по удалению трех четвертей желудка (1948 год) означал верную смерть в тюрьме через две недели.

При этом нельзя не учитывать, что участники этой истории – живые люди, связанные какими-то человеческими чувствами. Отправить моего отца на верную скорую гибель сексоту было просто

невозможно. Был избран иной вариант – напугать отца и о нем же распустить слухи. А для верности вполне можно было время от времени приходить в гости, смотреть, как реагируют родственники отца (так я это себе представляю). По-прежнему ли они рады? Если – нет, то – сами понимаете... А если – по-прежнему рады, то жизнь продолжается, а там и Вольпин возвращается из своей высылки, а до этого письма шлет, Локшина разоблачает. Конечно, для сексота есть при этом риск, но сексот не чувствует себя убийцей близкого человека. Параллельно обрабатывается круг знакомых, кого-то запугивают, кого-то вербуют. Так что, с распространением слухов все в порядке. Слухи распространяются только такие, Какие Надо...

II.

От агента, действующего под прикрытием, остается в истории «инверсионный след». Сам агент – невидим, и каждый отдельный эпизод может трактоваться разными способами, однако взятые в совокупности эпизоды – если их набралось достаточное количество – могут свидетельствовать о том, что поработал агент-невидимка.

Такие эпизоды в истории моего отца имеются.

А. Эпизоды, в которых от читателя требуется доверять моему отцу (а также мне):

1. Письмо отца от 19 сентября 1949 года («Труп вернулся...»).
2. Рассказ отца о столкновении с сексотом (слова сексота: «Я не человек, я труп»).

Б. Эпизоды, документально подтвержденные либо допускающие независимую проверку:

1. Неожиданный разгром отцовского сочинения на композиторском пленуме 1949 года (и непосредственно предшествующее этому разгрому отчаянное отцовское письмо от 19 ноября 1949 года). Напомню – все это случилось **не до**, а через четыре месяца **после** ареста Вольпина.

2. Прохорова: <<Надо сразу сказать, что следствие у меня, по сравнению с миллионами несчастных людей было **легким**

(наверное, в какой-то мере благодаря Шуре [Локшину]>> (см. Прохорова В. Трагедия предательства / Российская музыкальная газета, №4, 2002).

Это очень важное свидетельство. На следствие мог влиять ни в коем случае не рядовой стукач, а только агент, работающий под прикрытием. **Но если бы это был мой отец, у него была бы совершенно другая судьба в дальнейшем:**

2.1. **Выпускали бы** такого влиятельного агента за границу на исполнение собственных сочинений.

2.2. **Пустили бы** преподавать в Консерваторию или в Гнесинский институт.

2.3. Сочинения **не снимали бы** с исполнения (Шестая симфония, «Тараканище»)[1].

2.4. Наконец, под старость – **уж точно дали бы** персональную пенсию.

На самом же деле все было в точности наоборот, и это все проверяемо. Приведу еще выразительный фрагмент из интервью Иосифа Пастернака (2007): << Однажды ему [Локину] предложили поменять всего несколько слов в его симфонии на стихи Киплинга, а именно – Индию сделать актуальным тогда Вьетнамом, а английских солдат переделать на американских. И при этих уступках крупный чиновник гарантировал композитору Ленинскую премию. На что Локин ответил: «Я так и знал, что найдутся непреодолимые препятствия для моей музыки». **Подумайте: он ведь мог писать симфонии, посвященные комсомолу, целине и прочим святыням советского строя, как это делали его коллеги. Но Локин выбирал произведения [тексты для своих вокальных сочинений], которые были обречены на критику.>>**

3. То, что Прохорову освободили в лагере от физической работы (!), и то, что конвоиры ей попадались добрые – см. с.58–60 ее книги, а также статью: Пищикова Е. Суровая нить / Русская жизнь, 28 сентября 2007 г.

4. Вольготная жизнь Вольпина в психушке (См.: Айхенвальд Ю.А. Последние страницы. – М.: Изд-во РГГУ, 2003, с. 247.)

5. Вызов на очную ставку с Прохоровой ближайших родственников отца и его лучшего друга. Это **именно** прием для

прикрытия настоящего агента. См. статью Игоря Маслова (Новая газета, 26 ноября 2001 г.).

6. Активнейшее участие в дискредитации моего отца людей с необъяснимостями в биографии.

Москва, октябрь, 2012

[1] Драматичная история с Шестой симфонией – в Интервью Виктора Попова (см. ниже). Важность этого интервью как аргумента в дискуссии, на мой взгляд, трудно переоценить. Я благодарен И.С. Пастернаку, любезно предоставившему мне текст интервью, взятого им у В.С. Попова в мае 2002 года и не вошедшего в его фильм «Гений зла». Текст публикуется с небольшими сокращениями.

III.

В.С. Попов. Интервью после концерта (отрывок) [1]

Дело все в том, что действительно Локшин – это крупное явление в нашей музыке, в русской музыке, крупное явление. И так мне повезло, что в 70-е годы [я познакомился с Локшиным], благодаря Рудольфу Борисовичу [Баршаю] как раз. Мы с ним в этот момент активно работали, потому что у него был свой камерный оркестр, а у меня хор мальчиков. Мы часто пели музыку Баха... И однажды Рудольф Борисович мне сказал, что вот есть такая идея – исполнить Шестую симфонию композитора Локшина. Я тогда, естественно, почти ничего [о Локшине] не знал. Знал, что такой композитор есть и знал, что находится он в довольно трудном положении, потому что когда-то, написав кантату «Тараканище», попал в глубокую немилость в связи с тем, что нашлись такие добрые люди, которые подсказали, что «тараканище – это наш вождь и учитель». И поэтому, естественно, довольно трудная у него была судьба и музыку его мало кто знал. И вот Рудольф Борисович предложил мне исполнить Шестую симфонию, а Шестая симфония написана на стихи нашего великого поэта начала века – Блока. И поэтому с огромным удовольствием я решил познакомиться с этой музыкой. И я пришел к нему [Локшину] домой... Жил он недалеко от проспекта Вернадского, в маленькой квартирке. Надо сказать, что условия жизни у него были, конечно, весьма и весьма

посредственные. Жуткий инструмент, но он сел, стал играть и сразу захватил меня. Знаете, потом с огромной радостью я работал со студенческим хором института Гнесиных над этим сочинением, и мы должны были его исполнить в открытом концерте. Но я уехал с детским хором радио и телевидения на гастроли в Чехословакию. Когда вернулся, ректор мне сказал, что этот концерт отменяется по рекомендации райкома партии, куда он, видимо, сам и сообщил о предстоящем концерте. И райком партии меня вызвал. Первый секретарь райкома партии Киевского района, значит, сказал, что это сочинение нельзя исполнять и оно не может быть исполнено в концерте. Ну, естественно, у меня был скандал с ректором и после этого я подал заявление об уходе из Гнесинского института, где проработал 15 лет. Так что, видите, меня как судьба с Локшиным [свела]...

[1] Попов Виктор Сергеевич (1934—2008), художественный руководитель хора Академии хорового искусства, народный артист России. Полностью интервью было опубликовано в сборнике «А.Л. Локшин – композитор и педагог». – М.: Композитор, 2006, с. 24–25.